Чигарёва Зинаида Александровна

15 октября 1928 – 28 марта 2007

// https://litmap.kemrsl.ru/person/12/

НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «КУЗБАСС»
и в хрестоматии «ПИСАТЕЛИ КУЗБАССА» (2007)

Зинаида ЧИГАРЁВА на страницах газеты «КУЗБАСС»

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

В КЕМЕРОВСКОЕ отделение Союза писателей РСФСР пришла телеграмма из Москвы. В ней сообщение о том, что в члены Союза писателей принята драматург Зинаида Александровна Чигарева.

З. Чигарева работает редактором на Кемеровской студии телевидения, пишет пьесы. Несколько лет назад в Прокопьевском театре имени Ленинского комсомола шла пьеса З. Чигаревой «Шахтерская поэма». По другой ее драме «Пока не придет разводящий» был снят фильм на Центральном телевидении в Москве. Те, кто регулярно смотрит передачи местного телевидения, часто в них встречаются с постановками по сценариям З. Чигаревой.

Товарищи по перу — писатели и журналисты Кузбасса — от души поздравляют нового кузбасского писателя и желают З. А. Чигаревой больших творческих успехов.

// Кузбасс, 1966, 26 ноября, с. 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЗБАСС

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС и ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 10 (13205). СРЕДА, 13 ЯНВАРЯ 1971 года.

Газета основана в январе 1922 года. Цена 2 коп.

● КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

ДО ПОСЛЕДНЕГО времени мы знали кемеровскую писательницу Зинаиду Чигареву как драматурга. Ее перу принадлежат пьесы «Шахтерская поэма», «Пока не придет разводящий», «Днем звезд не видно». «Шахтерскую поэму» показали несколько лет тому назад театры Кузбасса и Донбасса, по пьесе «Пока не придет разводящий» был поставлен спектакль Центральной студией телевидения. И в Союз писателей СССР Чигарева была принята именно как драматург.

Но вот перед нами только что вышедший в свет первый ее сборник, в котором она предстает в новом качестве — в качестве прозаика. Сразу же напрашивается вопрос: удался ли этот дебют? Все семь рассказов, помещенных в сборнике, позволяют сказать: да, дебют удачный.

Почти все рассказы, за исключением одного под названием «Дома», о котором речь пойдет ниже, воспринимаются как главы одной повести, отсюда немаловажное достоинство книги — ее художественная цельность.

Вот самые юные герои книги — соклассники Ленка и Володя. Шесть лет проучились они вместе, не подозревая о том, что наступит такой день, когда откроют они в себе чувство большой взаимной симпатии. Пусть это еще не любовь, а только романтическая влюбленность, но как она возвышает обоих! Какая для них радость — идти после школьных занятий вдвоем и делиться друг с другом своими самыми сокровенными мыслями и мечтами! (Рассказ «Ленка и Володя»).

Уже три месяца и четырнадцать дней замужем молодая учительница Вера Игнатьевна, а не было у нее еще ни одного спокойного дня, потому что ее муж, ее Андрей,—горноспасатель. Это очень опасная, полная постоянного риска профессия. Казалось бы, пора уже привыкнуть, не тревожиться: ведь все обходится благополучно. Но вот сегодня, как обычно, перед рассветом поднял его резкий звонок, и целый день в школе Вера не находит себе места, потому что после ухода мужа обнаружила забытый им ключ от квартиры, и это кажется ей недобрым предзнаменованием. С тонким психологизмом передает писательница переживания своей героини, которой не до учеников, не до уроков. Поэтический образ найден Зинаидой Чигаревой в конце повествования. Муж, живой и невредимый, пришел за ключом в школу, все видели, как расцвела от счастья Вера Игнатьевна. (Рассказ «Ключ»).

...Тихое, с легким дождичком сентябрьское утро в глухом местечке на Карельском перешейке, куда приехал из Сибири сорокалетний журналист. Приехал с единственной мыслью — отдохнуть от изнурительной работы, забыть о суете сует, насладиться красотой северной природы — этими соснами, этим морем, этой первозданной тишиной. Хорошо таким утром развлечься тем, чем он любил заниматься когда-то со своим погибшим на войне отцом — пособирать грибы, благо их тут тьма-тьмущая. «И вдруг резкая боль в ноге. Он нагнулся и увидел свернувшийся змеей среди травы кусок ржавой проволоки... Он шпырнул его подальше в темную глубину лесного болота и постарался забыть о нем». Потом он обратил внимание на какие-то странные рвы и ямы, то и дело встречавшиеся на пути. И вот уже нет тихого утра. Память подсказала: это же место бывших боев! Не просто ямы и канавы кругом — старые траншеи и окопы! Как мог он забыть про это! Не здесь ли где-то и могила его отца? «Нет, тщетны наши попытки хотя бы на время укрыться от житейских бурь и треволнений, нельзя, невозможно найти покой в мире, где нет еще желанной сердцу гармонии, где красоту природы коверкают бомбы и снаряды, оставляя глубокие шрамы и на земле, и на сердце». (Рассказ «Тихое утро»).

«Говорят, что некрасивые жестоки, что они не любят ничего красивого. А я думаю, что, если не любить красоту, то лучше не жить», — это из письма девочки, считающей себя некрасивой. Рассказ называется «Терра инкогнита». Терра инкогнита — Земля Неизвестная, неразгаданная загадка, манящая тайна огромного неизведанного мира. Неизвестной остается для героя рассказа, молодого журналиста, влюбленная в него девочка, которая пишет ему романтические письма, изливая в них жажду красивой, необычной любви к жизни, к людям, к природе.

Дочитываешь эти письма до конца и думаешь: почаще бы встречались нам в жизни вот такие, может быть, на самом деле некрасивые внешне, но прекрасные душой блоковские Незнакомки! Так же пылко и самозабвенно влюблена в красоту людей, жизни и природы юная героиня самого большого по об'ему рассказа «Золотые холмы детства» Юлька.

Особняком в сборнике стоит рассказ «Дома». О чем он? О студентке по имени Светлана, которая через два года разлуки встречается со своими пожилыми уже родителями, приехав к ним в родные пенаты. Автор не скрывает своей антипатии к этой самовлюбленной, довольно легкомысленной и слишком самоуверенной девице. Один из ее столичных друзей успел духовно развратить ее.

И Светлана ведет себя в полном соответствии с этой циничной моралью. Оставляет ее один парень, и в отместку ему она равнодушно соблазняет другого, а потом, отвернувшись, чуть не доводит того до самоубийства. К родителям она относится иронически-снисходительно, называет их предками, юмористами; глядя на принарядившегося по случаю встречи отца, заключает про себя: новая нейлоновая рубашка идет тебе, как трактору бантик. Слушая разговор собравшихся гостей, думает с неприязнью: «Шли бы все они... подальше со своими выдуманными идеалами!». Правда, автору хочется верить, что не все еще безнадежно в этой испорченной девице. Однажды утром она невольно подслушивает тихую беседу матери и отца, которые вспоминают молодость, свою первую встречу, все то чистое, целомудренное, хорошее, что было в их любви и жизни. Они разговаривают, а «в соседней комнате, сжавшись в комочек на старенькой кушетке, горько, по-девчоночьи, плачет их дочь, их современная гордая Светка». По правде говоря, что-то не верится, что эти слезы очистительные, что они в чем-то изменят ее. Вряд ли, на наш взгляд, стоило включать в книгу рассказ «Дома» и тем более делать его заглавным.

У этого персонажа нет совершенно ничего общего с остальными героями Зинаиды Чигаревой, с людьми возвышенного строя души, которых с полным на то правом можно назвать романтиками, мечтателями, поэтами.

М. НЕБОГАТОВ.

Зинаида ЧИГАРЕВА. «Золотые холмы детства». Рассказы. Кемеровское книжное издательство, 1970 г.

// Кузбасс, 1971, 13 января, с. 3
(текст статьи см. на следующих слайдах.
Прочитать эту статью можно также в книге
«Михаил Небогатов. ДОБРОТА ЧУВСТВ, ИЛИ ДУША ПОЭТА. –
Кемерово, 2013, с. 66-67.
Адрес доступа: https://litmap.kemrsl.ru/documents/works/31__chuvstv_1.pdf
на литкарте Кузбасса)

БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ

До последнего времени мы знали кемеровскую писательницу Зинаиду Чигарёву как драматурга. Её перу принадлежат пьесы «Шахтёрская поэма», «Пока не придёт разводящий», «Днём звёзд не видно». «Шахтёрскую поэму» показали несколько лет тому назад театры Кузбасса и Донбасса, по пьесе «Пока не придёт разводящий» был поставлен спектакль Центральной студией телевидения. И в Союз писателей СССР Чигарёва была принята именно как драматург.

Но вот перед нами только что вышедший в свет первый её сборник, в котором она предстаёт в новом качестве – в качестве прозаика. Сразу же напрашивается вопрос: удался ли этот дебют? Все семь рассказов, помещённых в сборнике, позволяют сказать: да, дебют удачный. Почти все рассказы, за исключением одного под названием «Дома», о котором речь пойдёт ниже, воспринимаются как главы одной повести, отсюда немаловажное достоинство книги – её художественная цельность.

Вот самые юные герои книги – соклассники Ленка и Володя. Шесть лет проучились они вместе, не подозревая о том, что наступит такой день, когда откроют они в себе чувство большой взаимной симпатии. Пусть это ещё не любовь, а только романтическая влюблённость, но как возвышает она обоих! Какая для них радость – идти после школьных занятий вдвоём и делиться друг с другом своими самыми сокровенными мыслями и мечтами! (Рассказ «Ленка и Володя»).

Уже три месяца и четырнадцать дней замужем молодая учительница Вера Игнатьевна, а не было у неё ещё ни одного спокойного дня, потому что её муж, её Андрей, – горноспасатель. Это очень опасная, полная постоянного риска профессия. Казалось бы, пора уже привыкнуть, не тревожиться: ведь всё обходится благополучно. Но вот сегодня, как обычно, перед рассветом поднял её резкий звонок, и целый день в школе Вера не находит себе места, потому что после ухода мужа обнаружила забытый им ключ от квартиры, и это кажется ей недобрым предзнаменованием. С тонким психологизмом передаёт писательница переживания своей героини, которой не до учеников, не до уроков. Поэтический образ найден Зинаидой Чигарёвой в конце повествования. Муж, живой и невредимый, пришёл за ключом в школу, все видели, как расцвела от счастья Вера Игнатьевна. (Рассказ «Ключ»).

…Тихое, с лёгким дождичком сентябрьское утро в глухом местечке на Карельском перешейке, куда приехал из Сибири сорокалетний журналист. Приехал с единственной мыслью – отдохнуть от изнурительной работы, забыть о суете сует, насладиться красотой северной природы – этими соснами, этим морем, этой первозданной тишиной. Хорошо таким утром развлечься тем, чем он любил заниматься когда-то со своим погибшим на войне отцом – пособирать грибы, благо их тут тьма-тьмущая. «И вдруг резкая боль в ноге. Он нагнулся и увидел свернувшийся змеёй среди травы кусок ржавой проволоки… Он швырнул его подальше в
тёмную глубину лесного болота и постарался забыть о нём». Потом он обратил внимание на какие-то странные рвы и ямы, то и дело встречавшиеся на пути. И вот уже нет тихого утра. Память подсказала: это же место бывших боёв! Не просто ямы и канавы кругом – старые траншеи и окопы! Как мог он забыть про это! Не здесь ли где-то и могила его отца? «Нет, тщетны наши попытки хотя бы на время укрыться от житейских бурь и треволнений, нельзя, невозможно найти покой в мире, где нет ещё желанной сердцу гармонии, где красоту природы коверкают бомбы и снаряды, оставляя глубокие шрамы и на земле, и на сердце». (Рассказ «Тихое утро»).

«Говорят, что некрасивые жестоки, что они не любят ничего красивого. А я думаю, что если не любить красоту, то лучше не жить», – это из письма девочки, считающей себя некрасивой. Рассказ называется «Терра инкогнита». Терра инкогнита – Земля Неизвестная, неразгаданная загадка, манящая тайна огромного неизведанного мира. Неизвестной остаётся для героя рассказа, молодого журналиста, влюблённая в него девочка, которая пишет ему романтические письма, изливая в них жажду красивой, необычной любви к жизни, к людям, к природе.

Дочитываешь эти письма до конца и думаешь: почаще бы встречались нам в жизни вот такие, может быть, на самом деле некрасивые внешне, но прекрасные душой блоковские Незнакомки! Так же пылко и самозабвенно влюблена в красоту людей, жизни и природы юная героиня самого

Зинаида ЧИГАРЁВА. «Золотые холмы детства». Рассказы. Кемеровское книжное издательство. 1970 г.
большого по объёму рассказа «Золотые холмы детства»

Юлька.

Особняком в сборнике стоит рассказ «Дома». О чём он? О студентке по имени Светлана, которая через два года разлуки встречается со своими пожилыми уже родителями, приехав к ним в родные пенаты. Автор не скрывает своей антипатии к этой самовлюблённой, довольно легкомысленной и слишком самоуверенной девице. Один из её столичных друзей успел духовно развратить её. И Светлана ведёт себя в полном соответствии с этой циничной моралью. Оставляет её один парень, и в отместку ему она равнодушно соблазняет другого, а потом, отвернувшись, чуть не доводит того до самоубийства. К родителям она относится иронически-снисходительно, называет их предками, юмористами; глядя на принарядившегося по случаю встречи отца, заключает про себя: новая нейлоновая рубашка идёт тебе, как трактору бантик. Слушая разговор собравшихся гостей, думает о них с неприязнью: «Шли бы все они… подальше со своими выдуманными идеалами!». Правда, автору хочется верить, что не всё ещё безнадёжно в этой испорченной девице. Однажды утром она невольно подслушивает тихую беседу матери и отца, которые вспоминают молодость, свою первую встречу, всё то чистое, целомудренное, хорошее, что было в их любви и жизни. Они разговаривают, а «в соседней комнате, сжавшись в комочек на старенькой кушетке, горько, по-девчоночьи, плачет их дочь, их современная гордая Светка». По правде говоря, что-то не верится, что эти слёзы очистительные, что они в чём-то изменят её. Вряд ли, на наш взгляд, стоило включать в книгу рассказ «Дома» и тем более делать его заглавным. У этого персонажа нет совершенно ничего общего с остальными героями Зинаиды Чигарёвой, с людьми возвышенного строя души, которых с полным правом можно назвать романтиками, мечтателями, поэтами.

М. НЕБОГАТОВ.

// Кузбасс, 1971, 13 января, с. 3.

● КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С УЧЕТОМ ЧИТАТЕЛЬСКОГО СПРОСА

Альманах «Огни Кузбасса» № 3, 1973 год

Открывая свежий номер альманаха, мы по привычке ищем стержневой материал, новинку, которая бы представляла особый интерес в идейно-художественном отношении. Обычно таким «гвоздем» номера, является повесть зрелого или молодого автора, смело заявившего о себе.

Редколлегия альманаха «Огни Кузбасса» повести помещает редко: они, как правило, велики по объему и «теснят» другие жанры. Впрочем, основой номера может быть и рассказ, и очерк, и глубокая оригинальная рецензия.

В третьем номере «Огней Кузбасса» за этот год, как говорится, всего помаленьку. Тут и рассказы, и стихи, и очерк, и путевые заметки, и рецензия, и публицистика. Альманах открывается очерком «Лукьян Селицкий, доменщик» писателя Геннадия Емельянова. Проникновенно, со знанием дела рассказывает автор о судьбе ветерана Кузнецкого металлургического комбината, большом мастере и прекрасном человеке. Сельский паренек, не знавший азов грамоты, вырос в крупного специалиста металлургического производства. Трудовой коллектив поставил Лукьяна Селицкого на ноги, дал ему путевку в большую жизнь. Сорок трудовых лет за плечами обер-горнового, он — сама история КМК.

Геннадий Емельянов умело оперирует фактами, сообщениями, взятыми из газет, музея, добытых в беседах с очевидцами. «Рассказать о Лукьяне Викторовиче Селицком более или менее подробно в очерке,—пишет он,—почти невозможно. Я не упомянул о том, что горнового-инструктора часто поднимают ночами по телефону и зовут в цех, когда случаются ЧП, не сказал о том, что с помощью этого редкого специалиста в рекордно короткие сроки устранялись сложнейшие неполадки на печах. Да мало ли чего еще не сказано, о чем не поведано».

Остается только пожалеть, что какие-то интереснейшие детали из трудовой биографии старого металлурга остались в блокноте автора, но и то, о чем он поведал, интересно, читается с охотой. Геннадий Емельянов не загромождает очерк, как это часто случается, перечнем производственных дел, раскрывает главное — характер рабочего человека, показывает его становление.

Такие очерки публикуются под рубрикой «Наш современник». Они украшают альманах, придают ему большую содержательность, злободневность.

Проза в третьем номере представлена рассказами Зинаиды Чигаревой и Светланы Ткач. Зинаида Чигарева повествует о духовных метаниях, поисках романтичного паренька Алеши, о пробудившемся в нем первом чувстве. Он пишет стихи, которые газета отвергает, по-юношески непримиримо судит и себя, и людей. «Вот ведь, существует все кругом и не мучится, не болеет этим, как ты болеешь собой, — рассуждает он, — не бьется над проклятыми вопросами, что сделать, как примириться с собой, принять себя таким, каков уж ты уродился, и не требовать, не желать от себя большего, чем ты можешь дать». Вторая половина рассказа, где раскрывается внутренний перелом, произошедший с Алешей, менее достоверна, психологически неожиданна, во многом не убеждает и читателя. И все-таки рассказ «Такие девчонки» своеобразен, затрагивает важную тему.

А вот рассказ «Сложение и вычитание» Светланы Ткач туманен по мысли, нарочит по стилю, вызывает чувство недоумения. Персонажи рассказа умничают, говорят книжно, вычурно: «Чепуха десятого колена все это...», «На соискание сочувствия он вовсе не собирался настраиваться», «Где-то на задворках памяти... ворошились какие-то формулировки» и т. п.

Любознательный, пытливый филолог Илья Половинкин проделал большую изыскательскую работу ради одного слова. Он сумел объяснить, откуда происходит название города Юрги. Пришлось обратиться к архивам, беседовать со старожилами, переписываться с учеными и писателями. Илья Половинкин толково, занимательно рассказал об этих поисках. Его материал интересен не только специалистам, любителям этимологии, а всем, кому дороги родной край, его история, его достопримечательности.

«Земля кормит, поит нас, радует своими красотами, и мы обязаны заботиться о ней. Мы должны залечивать раны, нанесенные промышленностью. И впредь не причинять ей боли». Эти тревожные слова взяты из статьи «Земля» Ю. Киселева. Они точно передают главный замысел автора — вызвать в людях беспокойство за природу Кузбасса. Ю. Киселев приводит убедительные примеры, размышляет конкретно, по существу проблемы.

Как видно из статьи, многие руководители не знают об интереснейшем опыте рекультивации земель, нарушенных горными выработками, — опыте, в котором, как в капле воды, отразились преимущества социалистической системы хозяйствования. Поэтому редколлегия альманаха сочла необходимым перепечатать статью В. Травинского «Земной пейзаж», опубликованную в «Литературной газете» 31 мая 1972 года.

Путевым заметкам «Томительный воздух скитаний» Виктора Чугунова недостает серьезных раздумий, они какие-то легковесные, построены на случайных фактах. Больше узнаешь о том, как отдыхал автор, приятно проводя время, чем о современной Абхазии, ее людях.

Альманах охотно предоставляет страницы молодым поэтам — Владимиру Поташову, Николаю Колмогорову, Александру Рационову, Олегу Философову. Их стихи, хотя и далеко не во всем совершенны, радуют новизной творческого поиска, взволнованными интонациями.

В гостях у кузбассовцев побывал популярный актер Спартак Мишулин, а «в гостях у Спартака Мишулина» — журналист Александр Барышев, который сделал об этом вместе с фотокорреспондентом Ю. Забродиным живой репортаж. Артист оставил читателям альманаха автограф, высказал свои пожелания.

В разделе «Слово критике» помещена рецензия «По точному адресу» Юрия Изюмского. Критик обстоятельно анализирует детские повести Геннадия Блинова. Внимание его сосредоточено главным образом на положительных сторонах повестей, но надо было бы подробнее сказать и о недостатках: знать их автору необходимо и важно, иначе трудно идти дальше, совершенствовать литературное мастерство.

Под рубрикой «Время — человек—время» опубликован материал «Н. М. Станюкович в сибирской ссылке». Здесь немало любопытных фактов, мимо которых читатель не пройдет.

На первой странице обложки дана миниатюра «Станция Чугунаш» А. Холодова. Своеобразны фотоэтюды «На реке Барзас» И. Бассардинского и «Пусть всегда будет солнце» В. Моисеева.

Как видим, в очередном номере альманаха есть что почитать. Но хочется большего, пора уже представить на суд читателя произведения покрупнее, позначительнее.

В. СЕМЕНОВ.

г. Кемерово.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
КУЗБАСС
ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС и ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
Газета основана в январе 1932 года
№ 272 (14078)
СРЕДА,
21 НОЯБРЯ 1973 года.
Цена 2 коп.

<...> Проза третьего номера представлена рассказами **Зинаиды Чигарёвой** и Светланы Ткач. Зинаида Чигарёва повествует о духовных метаниях, поисках романтичного паренька Алёши, о пробудившемся в нём первом чувстве. Он пишет стихи, которые газета отвергает, по-юношески непримиримо судит и себя, и людей. «Вот ведь, существует всё кругом и не мучится, не болеет этим, как ты болеешь собой, – рассуждает он, – не бьётся над проклятыми вопросами, что сделать, как примириться с собой, принять себя таким, каков уж ты уродился, и не требовать, не желать от себя большего, чем ты можешь дать». Вторая половина рассказа, где раскрывается внутренний перелом, произошедший с Алёшей, менее достоверна, психологически неожиданна, во многом не убеждает и читателя. И всё-таки рассказ «Такие девчонки» своеобразен, затрагивает важную тему. <...>

// Кузбасс, 1973, 21 ноября, с. 4
(О З. Чигарёвой – см. 2-ю колонку)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Кузбасс

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС и ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Газета основана в январе 1922 года. ● № 42 (14458). ● Среда, 19 февраля 1975 года. ● Цена 2 коп.

● КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ПРИГЛАШЕНИЕ В СКАЗКУ

Кузбасская писательница З. А. Чигарева выпустила новую книгу «Осторожно, сказка!». И хотя на титульном листе 1973 год, не весь тираж еще отпечатан. До многих читателей эта книга не дошла, как говорят, по техническим причинам. Поэтому вести разговор о ней совсем не поздно.

Внешний вид книги (лаконичное и выразительное оформление художника Г. Кравцова) и название ее сразу свидетельствуют о том, что она предназначена для детей. А если детям, то, значит, и родителям.

Обращение к сказочной повести не является неожиданным в творческой практике писательницы. Недаром один из ее рассказов более раннего сборника «Золотые холмы детства» называется «Последняя сказка».

З. Чигарева, опираясь на фольклор и своих литературных предшественников, иногда развивает традицию, иногда убедительно спорит с ней. Своеобразно представляет она читателям носителей зла. Смело вводит в сказочное повествование картины современного быта: «В лесной избушке у Черного Болота тишь да гладь. Мирно светится экран телевизора. А на крыше самая что ни на есть современная антенна».

Писательница подчеркивает, что мир зла в наши дни в нашей стране день ото дня, час от часу сужается: «Раньше у гражданки Подколодной хозяйство было обширное — весь Дальний Лес ей принадлежал. А теперь люди со своим строительством, всякие краеведы да грибники так стеснили, что шагу шагнуть некуда. Только и сохранился в неприкосновенности маленький участочек возле самого Черного Болота». Но еще существуют и потворствуют Злу озорники, второгодники, неслухи, из которых вырастают ленивые, жадные и лживые люди.

Главный герой повести, Ванечка, попав в сказку, встречается лицом к лицу со своими пороками, олицетворенными в таких персонажах, как Злючка-Гадючка, Братцы-Упрямцы, Сестрицы-Капризицы и Ябедка. И Ванечка, наблюдая свои слабости со стороны, многое перечувствовал, перестрадал и, наконец, понял, что очень важно вовремя, вместо того чтобы «кумушек считать трудиться», уметь «на себя оборотиться», уметь быть добрым и справедливым не только к самому себе. Так ненавязчиво поставлен вопрос о самовоспитании, о самоконтроле.

Велики ли герои? Нет, не велики (им девять—тринадцать лет, не более). Не рано ли перед ними ставить такие морально-нравственные задачи? Нет, не рано, так как современная психология и педагогика доказывают, что жизнь семи—восьмилетнего ребенка до конца наполнена всем, что нужно человеку, и основная задача — помочь взойти посеву, обнаружить положительное. И решением этой задачи заняты не только мамы, папы, старшие сестры, братья, учителя, но и сами воспитуемые. И Ванечке помогла сказка.

Подкупает свойственная книге атмосфера теплой доверительности. Доверительны отношения мамы со своими детьми, доверителен тон автора, ведущего откровенный разговор со своими читателями.

Во многом этому способствует избранная З. Чигаревой форма беседы тихого рассказа. Для этого писательница прибегает к так называемой не собственно прямой речи, в которой много пластов, характерных для языка современного подростка, впитывающего в себя лексическое многообразие из передач по радио, телевизору, от учителей, взрослых, своих сверстников.

Опираясь на этот сложный и противоречивый речевой комплекс, нелегко создать гармонически целое и единое. Видимо, поэтому в языковую среду повести врываются канцеляризмы-штампы: «основательно призадуматься», «опираться в работе на...», «прямо-таки...».

Встречаются спорные сравнения, такие, как: «Но во рту так горячо и сухо, как будто он сжевал коробок спичек».

Иногда писательница в своем протесте против зла, которое «без ножа зарежет, без веревки увяжет — всех сил лишит человека», просто прямолинейна: «Не ровен час — забредут еще туристы или какие другие любители природы, банок нашвыряют, битых бутылок». Прямолинейно обрисованы такие персонажи, как Наденька-Радость-Добрая Весть и Тетушка-Дурные Вести.

Убрать «лобовые места, подровнять язык — нетрудное дело, когда достигнуто главное: без нудной назидательности доведена до ума и сердца читателя мысль о том, что человек «должен быть сильным и добрым. Непременно добрым. Иначе грош цена его силе».

Л. ПУДАЛОВА,
доцент Кемеровского института культуры.
г. Кемерово.

// Кузбасс, 1975, 19 февраля, с. 4
(текст статьи см. на следующих слайдах)

ПРИГЛАШЕНИЕ В СКАЗКУ

Кузбасская писательница З. А. Чигарёва выпустила новую книгу «Осторожно, сказка!». И хотя на титульном листе 1973 год, не весь тираж ещё отпечатан. До многих читателей эта книга не дошла, как говорят, по техническим причинам. Поэтому вести разговор о ней совсем не поздно.

Внешний вид книги (лаконичное и выразительное оформление художника Г. Кравцова) и название её сразу свидетельствуют о том, что она предназначена для детей. А если детям, то значит, и родителям.

Обращение к сказочной повести не является неожиданным в творческой практике писательницы. Недаром один из её рассказов более раннего сборника «Золотые холмы детства» называется «Последняя сказка»

З. Чигарёва, опираясь на фольклор и своих литературных предшественников, иногда развивает традицию, иногда убедительно спорит с ней. Своеобразно представляет она читателям носителей зла. Смело вводит в сказочное повествование картины современного быта: «В лесной избушке у Чёрного Болота тишь да гладь. Мирно светится экран телевизора. А на крыше самая что ни на есть современная антенна».

Писательница подчёркивает, что мир зла в наши дни в нашей стране день ото дня, час от часу сужается: «Раньше у гражданки Подколодной хозяйство было обширное – весь Дальний Лес ей принадлежал. А теперь люди со своим строительством, всякие краеведы да грибники так стеснили, что шагу шагнуть некуда. Только и сохранился в неприкосновенности маленький участочек возле самого Чёрного Болота». Но ещё существуют и потворствуют Злу озорники, второгодники, неслухи, из которых вырастают ленивые, жадные и лживые люди.

Главный герой повести, Ванечка, попав в сказку, встречается лицом к лицу со своими пороками, олицетворёнными в таких персонажах, как Злючка-Гадючка, Братцы-Упрямцы, Сестрицы-Капризницы и Ябедка. И Ванечка, наблюдая свои слабости со стороны, многое перечувствовал, перестрадал и, наконец, понял, что очень важно вовремя, вместо того, чтобы «кумушек считать трудиться», уметь «на себя оборотиться», уметь быть добрым и справедливым не только к самому себе. Так ненавязчиво поставлен вопрос о самовоспитании, о самоконтроле.

Велики ли герои? Нет, не велики (им девять – тринадцать лет, не более). Не рано ли перед ними ставить такие морально-нравственные задачи? Нет, не рано, так как современная психология и педагогика доказывают, что жизнь семи – восьмилетнего ребёнка до конца наполнена всем, что нужно человеку, и основная задача – помочь взойти посеву, обнаружить положительное. И решением этой задачи заняты не только мамы, папы, старшие сёстры, братья, учителя, но и сами воспитуемые. И Ванечке помогла сказка.

Подкупает свойственная книге атмосфера тёплой доверительности. Доверительны отношения мамы со своими детьми, доверителен тон автора, ведущего откровенный разговор со своими читателями.

Во многом этому способствует избранная З. Чигарёвой форма беседы, тихого рассказа. Для этого писательница прибегает к так называемой не собственно прямой речи, в которой много пластов, характерных для языка современного подростка, впитывающего в себя лексическое многообразие из передач по радио, телевизору, от учителей, взрослых, своих сверстников.

Опираясь на этот сложный и противоречивый речевой комплекс, нелегко создать гармонически целое и единое. Видимо, поэтому в языковую среду повести врываются канцеляризмы-штампы: «основательно призадуматься», «опираться в работе на…», «прямо-таки…».

Встречаются спорные сравнения, такие, как: «Но во рту так горячо и сухо, как будто он сжевал коробок спичек».

Иногда писательница в своём протесте против зла, которое «без ножа зарежет, без верёвки увяжет – всех сил лишит человека», просто прямолинейна: «Не ровён час – забредут ещё туристы

или какие другие любители природы, банок нашвыряют, битых бутылок». Прямолинейно обрисованы такие персонажи, как Наденька-Радость-Добрая Весть и тётушка-Дурные Вести.

Убрать «лобовые» места, подровнять язык – нетрудное дело, когда достигнуто главное: без нудной назидательности доведена до ума и сердца читателя мысль о том, что человек «должен быть сильным и добрым. Непременно добрым. Иначе грош цена его силе».

Л. ПУДАЛОВА,
доцент Кемеровского института культуры,
г. Кемерово.

// Кузбасс, 1975, 19 февраля, с. 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
КУЗБАСС
ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС и ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
Газета основана в январе 1922 года ● № 226 (15252). ● Воскресенье, 25 сентября 1977 года. ● Цена 2 коп.

// Кузбасс, 1977, 25 сентября, с. 3.

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

МОЛОДЕЖЬ И КНИГА

Более 400 юношей и девушек собрались на первый областной слет молодых пропагандистов книги, который на днях обком ВЛКСМ провел совместно с обществом книголюбов, облкниготоргом и Кемеровской юношеской библиотекой.

С докладом «Октябрь, книга, молодежь» перед участниками слета выступил председатель Кемеровского отделения ВОК Н. П. Шуранов. О традициях комсомола в пропаганде книги рассказал ветеран партии и комсомола П. И. Бекшанский. С книгами, которые выйдут для молодежи в 1978 году, познакомила главный редактор Кемеровского книжного издательства З. А. Чигарева. Поэт Г. Юров прочел отрывки из готовящейся к изданию поэтической книги.

Интересно рассказывалось о ходе всесоюзной заочной читательской конференции «Дорогой Октября».

Участники слета приняли обращение ко всем молодым пропагандистам книги, в котором говорится о том, как помочь молодежи подружиться с книгой.

В. ВЛАДИМИРОВА.
г. Кемерово.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Кузбасс

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Газета основана в январе 1922 года ● № 268 (15294). ● Воскресенье, 13 ноября 1977 года. ● Цена 2 коп.

А ЧИТАТЕЛЬ ИНТЕРЕСНЫЙ!

С 15 октября по 15 ноября нынешнего года проходит Всесоюзный месячник пропаганды и распространения литературы, посвященный 60-летию Великого Октября. В Кузбассе месячник вылился в настоящий праздник книги. На промышленных предприятиях, в учреждениях, в учебных заведениях организованы выставки книг, проходят читательские конференции, встречи с писателями. Недавно из Новокузнецка вернулась группа кузбасских писателей.

Прозаики Зинаида Чигарева, Геннадий Емельянов, Владимир Куропатов, поэты Виктор Баянов и Владимир Матвеев встречались со студентами вузов, с учащимися техникумов, профтехучилищ, школ. Об одной из этих встреч, особо запомнившейся, рассказывают Владимир Куропатов и Зинаида Чигарева:

— Перед каждой встречей с читателями испытываешь волнение. Когда мы шли в Новокузнецкий педагогический институт, волновались вдвойне. Это оттого, что мы шли не просто рассказать о кузбасской литературе и каждый о себе и своих планах — мы шли на суд. Новокузнецкое общество книголюбов организовало в институте читательскую конференцию по коллективному сборнику рассказов «Смотрю в твои глаза», выпущенному Кемеровским книжным издательством в нынешнем году.

— Имейте в виду: соберутся филологи и судить будут строго, — сказали нам еще накануне, сказали, конечно, шутя. Но в какой шутке нет доли правды?

Если говорить откровенно, то до конференции мы испытывали и некоторую недоверчивость, опасались, что «судьи» станут по-школярски, безо всякого душевного порыва говорить о сюжете и композиции, сортировать героев на положительных и отрицательных, то есть где-то в глубине души мы невольно готовились к пустому и скучному разговору.

Наши опасения оказались напрасными. Мы это поняли в самом начале конференции. «Судьи» наши были действительно взыскательны, строги (хотя это не мешало им оставаться доброжелательными). Мы убедились, что они хорошо знакомы с книгой «Смотрю в твои глаза» и судят о наших произведениях на высоком профессиональном уровне.

Студенты нетерпеливо поднимали руки и говорили:

— Мне кажется...

— Я считаю...

— На мой взгляд...

Каждый стремился высказать свое мнение, свое понимание героев и событий, свое прочтение обсуждаемого произведения. И высказывания были интересными, оригинальными и не внешне, а по сути своей.

Кто-нибудь из студентов «заходил» к произведению с неожиданной стороны и высказывал такое суждение, что другие, в том числе и автор, приятно изумлялись: «А ведь и действительно так...».

Порой схлестывались два мнения, и вспыхивала полемика. И вот тут-то обнаруживался уровень знания студентами советской литературы. Отстаивая свои точки зрения, спорщики ссылались на произведения Василия Шукшина, Валентина Распутина, Василия Белова, Владимира Солоухина, Сергея Никитина, Виктора Лихоносова, Василия Быкова...

Наше мнение вполне определенно: читательская конференция удалась. Удалась прежде всего благодаря активности (если не сказать — страстности) ее участников. Но разговор не получился бы таким интересным, если бы активность студентов не была так хорошо и умело организована. Организация чувствовалась во всем — большом и малом.

При подготовке читательской конференции много поработали преподаватели института Валентина Емельяновна Григорьева, Юрий Васильевич Шатин, заведующая библиотекой института Галина Софроновна Репкина, методист библиотеки Тамара Алексеевна Семежко, а также инициатор конференции — ответственный секретарь Новокузнецкого общества книголюбов Светлана Афанасьевна Плеханова.

Мы лишний раз убедились: дело, сделанное с душой, оставляет след в душе, запечатлевается.

З. ЧИГАРЕВА,
В. КУРОПАТОВ.

г. Новокузнецк.

// Кузбасс, 1977, 13 ноября, с. 3.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЗБАСС

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТО

Газета основана в январе 1922 года. ● № 177 (15508). ● Четверг, 3 августа 1978 года. ● Цена 2 коп.

Издано в Кемерове

СВЕТ ДОБРА И ПРАВДЫ

К читателям пришла новая книга прозы З. Чигаревой «Свет мой ясный» (Кемеровское книжное издательство, 1978 год).

Напутственное слово к сборнику написал недавно скончавшийся писатель, лауреат Государственной премии Александр Волошин.

В эти дни, когда еще свежа горечь потери писателя (его похоронили в последний день мая), написанное им предисловие воспринимается как завещание всем собратьям по перу. Маститый мастер высказывает пожелание, чтобы произведения советских писателей были насыщены человеческой добротой. И главное достоинство книги З. Чигаревой он видит в ее доброй человеческой направленности.

А. Волошин чутко определяет главную черту творческой манеры писательницы — «неустанный поиск, стремление, если не усложнить обстановку, внешнюю кайму обстоятельств, то найти глубинные истоки душевных движений, их сокровенную человеческую сущность». Это действительно так.

Открывающий книгу рассказ «Праздник Маши Красильниковой» и завершающая ее повесть «Когда любишь...» акцентируют внимание на главной идее книги, которая может быть выражена такими словами: «Самое большое богатство на земле — это хорошие люди и мирные отношения между ними».

И Маша Красильникова и героиня повести Женя Большакова не только сами по себе высокого нравственного уровня люди, свободные от эгоизма, они хороши еще и тем, что умеют создавать вокруг себя такую моральную атмосферу, жить в которой легко и радостно. Это настоящие аккумуляторы добрых чувств и дел. И Маша и Женя «готовы отдавать без возврата, ничего не желая, ничего не требуя взамен».

Но повесть по-иному развивает и углубляет мотивы, начавшие звучать в первом рассказе. Самоотверженность героини повести подвергается серьезному жизненному испытанию, которое она с честью выдерживает.

Автор смело разрушает традиционный треугольник, ставя троих любящих людей в совершенно новые связи. Совсем нетрадиционные отношения, сложившиеся между Анютой, Андреем и Женей, просвечивают каждого насквозь как бы рентгеновскими лучами. Под особым освещением оказывается Андрей, по-доброму жалевший Анюту. Через него писательница высказывает свой взгляд на такое человеческое свойство, как жалость. Пожалеть — это значит выразить сострадание, приласкать, помочь, выручить из беды, иногда поступаясь собственным благом. Именно это и характерно для Андрея и для других положительных героев З. Чигаревой. Для них личный успех и даже слава — ничто, когда речь идет о помощи людям. Женя, не задумываясь, оставила свою спортивную карьеру, чтобы ухаживать за больным Митей, оставшимся без матери сыном Андрея. В своей повести «Когда любишь...» З. Чигарева ведет серьезный разговор о любви и дружбе, о добре и правде.

Добрые человеческие отношения могут быть только тогда, когда они скреплены правдой. Это распространяется и на взаимоотношения между взрослыми и детьми. Потому от маленького Мити не скрывают, что у него была мама Анюта, что она умерла.

Тема правды получает в повести и еще один поворот — правде нужно следовать, думая и о живых и о мертвых.

Все отдавать людям, даже собственную великую скорбь по погибшим во время Великой Отечественной войны детям, если она из высоких воспитательных целей нужна новым поколениям. Так поступает героиня рассказа, давшего название всей книге, — «Свет мой ясный».

Более тридцати лет живет Ольга Митрофановна «неотступной неизлечимой болью» за казненную фашистами дочь. Мать служит скорби — на многочисленных встречах с людьми отдает то, «что свято, неприкосновенно берегла в себе, — свою память о Наде». Постоянно бередя свою рану, терзая свое больное сердце, она получает взамен бесценный дар — «неумелую, стесняющуюся себя детскую доброту».

Замысел рассказа чрезвычайно интересен, однако он перегружен ненужными бытовыми подробностями. И обстоятельства смерти героини в полной мере художественно не мотивированы.

Новые творческие грани дарования писательницы открывает рассказ «Забавные маленькие собачки». В нем появляются не свойственные ранее автору ирония и даже сарказм.

Но более сильна З. Чигарева критикой не прямой, а рассчитанной на активного читателя, такой, когда авторское отношение к поступкам, достойным осуждения, заключено в подтекст. Так, в рассказе «Телефон» писательница подвергает суду профессора Бориса Кирилловича, который светлую любовь к Полиньке Савельевой, полюбившей его, променял на «неистовое самозабвение некрасивой, никогда и никем не любимой женщины», потому что та обеспечивала жизненные удобства, покой и уют.

В рассказах «Платок для матери» и «Девчонка на берегу» также осуждены душевная черствость, сердечная глухота и слепота. Особенно удачен рассказ «Платок для матери». Автор говорит в нем, как иногда невнимательны бываем мы к самым близким и дорогим людям, например, к родителям. Редкие письма пестрят дежурными, малозначащими словами, а подарки говорят о том, что нам неизвестны запросы и склонности близкого человека.

Идейным центром книги является рассказ «Земля Неизвестная», к которому тяготеют все произведения. Люди тем-то и ценны, что каждый человек — это мир, обращенный к добру. Преступно быть равнодушным к человеческой личности.

Л. ПУДАЛОВА.

г. Кемерово.

// Кузбасс, 1978, 3 августа, с. 4
(текст статьи см. на следующих слайдах)

Издано в Кемерове

СВЕТ ДОБРА И ПРАВДЫ

К читателям пришла новая книга прозы З. Чигарёвой «Свет мой ясный» (Кемеровское книжное издательство, 1978 год).

Напутственное слово к сборнику написал недавно скончавшийся писатель, лауреат Государственной премии Александр Волошин.

В эти дни, когда ещё свежа горечь потери (его похоронили в последний день мая), написанное им предисловие воспринимается как завещание всем собратьям по перу. Маститый мастер высказывает пожелание, чтобы произведения советских писателей были насыщены человеческой добротой. И главное достоинство книги З. Чигарёвой он видит в её доброй человеческой направленности.

А. Волошин чутко определяет главную черту творческой манеры писательницы – «неустанный поиск, стремление, если не усложнить обстановку, внешнюю кайму обстоятельств, то найти глубинные истоки душевных движений, их сокровенную человеческую сущность». Это действительно так.

Открывающий книгу рассказ «Праздник Маши Красильниковой» и завершающая её повесть «Когда любишь…» акцентируют внимание на главной идее книги, которая может быть выражена такими словами: «Самое большое богатство на земле – это хорошие люди и мирные отношения между ними».

И Маша Красильникова и героиня повести Женя Большакова не только сами по себе высокого нравственного уровня люди, свободные от эгоизма, они хороши ещё и тем, что умеют создавать вокруг себя такую моральную атмосферу, жить в которой легко и радостно. Это настоящие аккумуляторы добрых чувств и дел. И Маша и Женя «готовы отдавать без возврата, ничего не желая, ничего не требуя взамен».

Но повесть по-иному развивает и углубляет мотивы, начавшие звучать в первом рассказе. Самоотверженность героини повести подвергается серьёзному жизненному испытанию, которое она с честью выдерживает.

Автор смело разрушает традиционный треугольник, ставя троих любящих людей в совершенно новые связи. Совсем не традиционные отношения, сложившиеся между Анютой, Андреем и Женей, просвечивают каждого насквозь как бы рентгеновскими лучами. Под особым освещением оказывается Андрей, по-доброму жалевший Анюту. Через него писательница высказывает свой взгляд на такое человеческое свойство, как жалость. Пожалеть – это значит выразить сострадание, приласкать, помочь, выручить из беды, иногда поступаясь собственным благом. Именно это и характерно для Андрея и для других положительных героев З. Чигарёвой. Для них личный успех и даже слава – ничто, когда речь идёт о помощи людям. Женя, не задумываясь, оставила свою спортивную карьеру, чтобы ухаживать за больным Митей, оставшимся без матери сыном Андрея. В своей повести «Когда любишь…» З. Чигарёва ведёт серьёзный разговор о любви и дружбе, о добре и правде.

Добрые человеческие отношения могут быть только тогда, когда они скреплены правдой. Это распространяется и на взаимоотношения между взрослыми и детьми. Поэтому от маленького Мити не скрывают, что у него была мама Анюта, что она умерла.

Тема правды получает в повести и ещё один поворот – правде нужно следовать, думая и о живых и о мёртвых.

Всё отдавать людям, даже собственную великую скорбь по погибшим во время Великой Отечественной войны детям, если она из высоких воспитательных целей нужна новым поколениям. Так поступает героиня рассказа, давшего название всей книге, – «Свет мой ясный».

Более тридцати лет живёт Ольга Митрофановна «неотступной неизлечимой болью» за

казнённую фашистами дочь. Мать служит скорби – на многочисленных встречах с людьми отдаёт людям то, «что свято, неприкосновенно берегла в себе, – свою память о Наде». Постоянно бередя свою рану, терзая своё больное сердце, она получает взамен бесценный дар – «неумелую, стесняющуюся себя детскую доброту».

Замысел рассказа чрезвычайно интересен, однако он перегружен ненужными бытовыми подробностями. И обстоятельства смерти героини в полной мере художественно не мотивированы.

Новые творческие дарования писательницы открывает рассказ «Забавные маленькие собачки» В нём появляются не свойственные ранее автору ирония и даже сарказм.

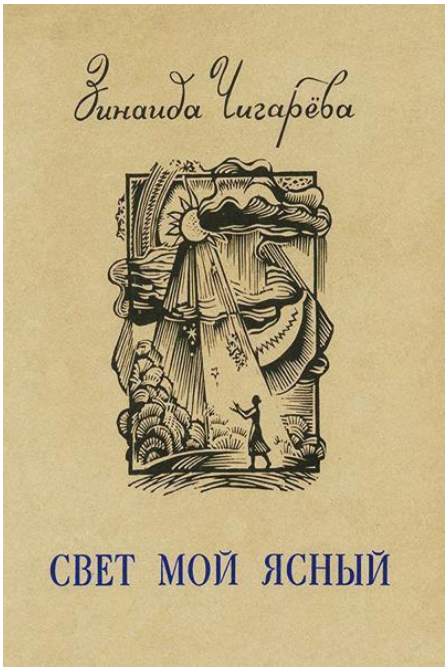
Но более сильна З. Чигарёва критикой не прямой, а рассчитанной на активного читателя, такой, когда авторское отношение к поступкам, достойным осуждения, заключено в подтекст. Так, в рассказе «Телефон» писательница подвергает суду профессора Бориса Кирилловича, который светлую любовь к Полиньке Савельевой, полюбившей его, променял на «неистовое самозабвение некрасивой, никогда и никем не любимой женщины», потому что та обеспечивала жизненные удобства, покой и уют.

В рассказах «Платок для матери» и «Девчонка на берегу» также осуждены душевная чёрствость, сердечная глухота и слепота. Особенно удачен рассказ «Платок для матери». Автор говорит в нём, как иногда невнимательны бываем мы к самым близким и дорогим людям, например, к родителям. Редкие письма пестрят малозначащими словами, а подарки говорят о том, что нам неизвестны запросы и склонности близкого человека.

Идейным центром книги является рассказ «Земля Неизвестная», к которому тяготеют все произведения. Люди тем-то и ценны, что каждый человек – это мир, обращённый к добру. Преступно быть равнодушным к человеческой личности.

Л. ПУДАЛОВА.
г. Кемерово.

// Кузбасс, 1978, 3 августа, с. 4.



● НАШИ ИНТЕРВЬЮ

«ХОРОШАЯ КНИГА— РАДОСТЬ»

Сегодня общественность Кузбасса поздравляет с 50-летием со дня рождения главного редактора Кемеровского книжного издательства писательницу Зинаиду Александровну Чигареву.

В 1952 году после окончания Ленинградского университета приехала она в Прокопьевск, работала там в городской газете «Шахтерская правда», затем была редактором Кемеровской студии телевидения, сейчас — главный редактор Кемеровского книжного издательства.

Читатели с большим интересом встретили сборники рассказов З. А. Чигаревой «Золотые холмы детства», «Свет мой ясный», повесть для детей «Осторожно, сказка». Она автор пьес «Шахтерская поэма», «Пока не придет разводящий», «Аллея славы».

— Зинаида Александровна, на чем в эти дни сосредоточены заботы главного редактора?

— Над проработкой тематического плана на 1980 год. Мы составляем план на два года вперед по рукописям, уже имеющимся в издательстве, учитывая при этом не только творческую сторону, но и производственную.

— Какими интересными книгами порадует в ближайшее время Кемеровское книжное издательство читателей?

— Сдали в производство сборник повестей Владимира Мазаева. Продолжим выпуск книг серии «Слава труду». В нее входят произведения классиков советской литературы и современных авторов о рабочем классе.

Читатели получили «Мать» М. Горького. Готовятся к изданию «Люди из захолустья» А. Малышкина. Выпуск серии рассчитан до 1985 года. Ежегодно читатели получают несколько прозаических и стихотворных книг наших авторов, интересные переиздания.

Издаем много книг для детей, но считаем, что делать их нужно лучше.

— Приходится ли главному редактору непосредственно работать с авторами?

— Я не отказываюсь от чисто редакторской работы. Читаю рукописи, веду с авторами переписку. Когда знаешь, что на столе лежит интересная рукопись, просто с радостью идешь на работу. Обязательно стараюсь бывать на семинарах для молодых, которые проводит наша писательская организация. После постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» чаще стали проводиться такие семинары, а мы получили возможность выпустить книги и познакомить читателей с новыми именами: Н. Колмогоровым, А. Томиловым, готовятся сборник стихов В. Иванова, вторая книга прозы В. Куропатова, книга о художниках З. Естамоновой, сборник критических очерков о литераторах Кузбасса Е. Цейтлина.

— А какие планы у писательницы Чигаревой?

— Волнует проблема подрастающего поколения, нравственного становления современного молодого человека, как он воспринимает духовные ценности нашего народа, что усваивает из них.

Состоялись встречи с родителями, с подростками, с учителями, да и сама я мать дочери, только недавно бывшей студенткой, сына-подростка.

— Это будет повесть, роман?

— Пока сказать трудно. Мечтаю также вернуться в драматургию: ведь с нее я фактически начинала.

— Зинаида Александровна, не приходилось ли вам жалеть о том, что десять лет назад вы приняли нелегкие обязанности главного редактора издательства?

— Никогда не жалела. Книга — дело святое. Приятно, когда мы потрудимся как следует, а читатели в результате получат добрую книгу. Хорошая книга — радость для всех.

Интервью взяла
Э. СУВОРОВА.

г. Кемерово.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
КУЗБАСС
ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
Газета основана в январе 1922 года.
№ 235 (15566). ПЯТНИЦА, 13 ОКТЯБРЯ 1978 года.
Цена 2 коп.

«ХОРОШАЯ КНИГА – РАДОСТЬ»

Сегодня общественность Кузбасса поздравляет с 50-летием со дня рождения главного редактора Кемеровского книжного издательства писательницу Зинаиду Александровну Чигарёву.

В 1952 году после окончания Ленинградского университета приехала она в Прокопьевск, работала там в городской газете «Шахтёрская правда», затем была редактором Кемеровской студии телевидения, сейчас – главный редактор Кемеровского книжного издательства.

Читатели с большим интересом встретили сборники рассказов З. А. Чигарёвой «Золотые холмы детства», «Свет мой ясный», повесть для детей «Осторожно, сказка». Она автор пьес «Шахтёрская поэма», «Пока не придёт разводящий», «Аллея славы».

– Зинаида Александровна, на чём в эти дни сосредоточены заботы главного редактора?

– Над проработкой тематического плана на 1980 год. Мы составляем план на два года вперёд по рукописям, уже имеющимся в издательстве, учитывая при этом не только творческую сторону, но и производственную.

– Какими интересными книгами порадует в ближайшее время Кемеровское книжное издательство читателей?

– Сдали в производство сборник повестей Владимира Мазаева. Продолжим выпуск книг серии «Слава труду». В неё входят произведения классиков советской литературы и современных авторов о рабочем классе.

Читатели получили «Мать» М. Горького. Готовятся к изданию «Люди из захолустья» А. Малышкина. Выпуск серии рассчитан до 1985 года. Ежегодно читатели получают несколько прозаических и стихотворных книг наших авторов, интересные переиздания.

Издаём много книг для детей, но считаем, что делать их нужно лучше.

– Приходится ли главному редактору непосредственно работать с авторами?

– Я не отказываюсь от чисто редакторской работы. Читаю рукописи, веду с авторами переписку. Когда знаешь, что на столе лежит интересная рукопись, просто с радостью идёшь на работу. Обязательно стараюсь бывать на семинарах для молодых, которые проводит наша писательская организация. После постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодёжью» чаще стали проводиться такие семинары, а мы получили возможность выпустить книги и познакомить читателей с новыми именами: Н. Колмогоровым, А. Томиловым, готовятся сборник стихов В. Иванова, вторая книга прозы В. Куропатова, книга о художниках З. Естамоновой, сборник критических очерков о литераторах Кузбасса Е. Цейтлина.

– А какие планы у писательницы Чигарёвой?

– Волнует проблема подрастающего поколения, нравственного становления современного молодого человека, ка кон воспринимает духовные ценности нашего народа, что усваивает из них.

Состоялись встречи с родителями, с подростками, с учителями, да и сама я мать дочери, только недавно бывшей студенткой, сына-подростка.

– Это будет повесть, роман?

–Пока сказать трудно. Мечтаю также вернуться в драматургию: ведь с неё я фактически начинала.

– Зинаида Александровна, не приходилось ли Вам жалеть о том, что десять лет назад Вы приняли нелёгкие обязанности главного редактора издательства?

– Никогда не жалела. Книга – дело святое. Приятно, когда мы потрудимся как следует, а читатели в результате получат добрую книгу. Хорошая книга – радость для всех.

Интервью взяла
Э. СУВОРОВА.
г. Кемерово.

// Кузбасс, 1978, 13 октября, с. 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЗБАСС

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Газета основана в январе 1922 года.
№ 278 (15609)
ВТОРНИК, 5 ДЕКАБРЯ 1978 года.
Цена 2 коп.

ТЕАТР

В КАКИЕ ИГРЫ ИГРАЮТ ЛЮДИ

РАЗДУМЬЯ ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Окончился спектакль. Все прощены, помирились и примирились. Игра окончена — жизнь идет своим чередом. Но выходишь из зала, а на душе неуспокоенность, тревога. За них, молодых, за тех, о ком только что рассказал театр, — таких неустроенных, таких беспомощных перед лицом жизни. И думаешь невольно: а как же мы-то, старшее поколение? Нет ли в этом и нашей вины?

«Жестокие игры» — так назвал свою пьесу старейший советский драматург Алексей Арбузов, художник, не единожды рассказывавший нам о красоте человеческих отношений, о силе и богатстве личности нашего современника. Но сейчас он заразил нас своим беспокойством. Эти тревожные мысли убедительно и взволнованно доносят участники спектакля, поставленного областным драматическим театром имени А. В. Луначарского.

Поставил пьесу режиссер Леонид Шалов. И, наверное, не осталось бы после спектакля больших впечатлений, если б на сцене не действовал, не жил достоверно добрый актерский ансамбль.

Так что же произошло? О чем поведал нам театр?

Живут в столице три друга. Они молоды, им всего по 20 лет. Один из них, Терентий, работает на стройке, живет в общежитии, Второй, Никита, учится в институте, отличник, спортсмен. Третий, Кай (этим претенциозным именем — Кай Юлий — его наградили родители), институт бросил, живет один в трехкомнатной квартире, от нечего делать рисует. Мать с отчимом в заграничной командировке. Появляется в этой квартире Неля, — бесприютная девчонка, у которой нет дома (сбежала она от родителей), нет работы. Пожалел ее Кай, приютил.

Вот так и живут они: днем кто работает, кто учится, а вечером по старой детской привычке собираются у Кая — отвести душу.

Вроде бы и характеры очень разные, и жизненные пути, и судьбы. А все-таки нечто общее объединяет эту четверку. Уже не дети, но еще и не взрослые. А главное, как скажет потом о себе еще одна героиня спектакля, геолог Маша Земцова, — «недодала мне жизнь тепла». Так вот — недодала им всем жизнь тепла. В этом суть.

Зримый образ спектакля, воссозданный в лаконичном оформлении художника Натальи Клеминой, усугубляет ту же мысль, создавая атмосферу неустроенности, разбросанности. Это и московская квартира Кая, и сибирское жилище Михаила Земцова — та же необжитость, холод, неуют.

Детство Терентия (его играет Виктор Мирошниченко) было отравлено пьяницей и дебоширом отцом. Из-за этого рано сошла в могилу мать Терентия. И не может парень перешагнуть через свою ненависть, через свою обиду, не может простить отца, вот и несет он в себе эту тяжкую ношу непрощения.

У Кая (Анатолий Басин) было счастливое детство, пока его мать не предпочла отцу другого человека, и тогда мальчишка потерял сразу и мать, и отца. Правда, мама шлет ему деньги, и даже пишет трогательные письма, но письма-то эти отпечатаны на машинке!

А у Никиты (Владимир Коренной) все, кажется, идет прекрасно. И семья налицо: папа, мама, тети, сестренка, даже прадедушка. И в институте все отлично, и рекорды в спорте завоевываются. Но вот беда: каждый в этом «благополучном» семействе живет сам по себе, каждый занят только собою, своими заботами, а до Никиты и дела нет никому и некому за него по-человечески порадоваться.

И в жизни маленькой Нели не было тепла. Эту славную девчонку, то добрую и трогательную, то ершистую, колючую, то по-детски наивную, то умудренную тяжким опытом горя, просто и естественно играет Нина Привалова. С раннего детства встречала Неля только родительскую строгость и непонимание, а когда сорвалась на зло всем и вся — пришла расплата.

У взрослых своя игра. Худую игру вел когда-то отец Терентия (Николай Куц), и теперь горько расплачивается за это. Играют в родительскую любовь мать Кая и его отчим, вылощенный и выхолощенный Олег Павлович (Виктор Руденко). Играет в занятость, в видимость благополучия многочисленное семейство Никиты.

И самое страшное в этом, что в роли игрушек выступают здесь живые души. Дети. И принимают они от старших эстафету игры-фальши, равнодушия, безответственности.

В чем же спасение? В чем выход? В жизни. В живой, настоящей человеческой жизни. В настоящей работе, которой человек отдается душой. В настоящем глубоком чувстве. И это здорово, что жизнь вторгается в игру, ломает все ее правила, заставляет поверить в настоящее земное счастье и учит бороться за него. Вот так жил, так любил — яростно, самозабвенно, отчаянно — Мишка Земцов (Леонид Титов), врач из далекого тюменского поселка. И умер он так же, как и жил, — бесоглядно, не думая о себе.

И тем более горько сознавать, что большое настоящее чувство Михаила оказалось непонятым, неоцененным. Его жена, Маша Земцова (ее роль жестко, не щадя своей героини, играет Лидия Цуканова), одержима одной идеей — делать свое дело. Разведывать нефтяные запасы — вот чем живет Мария, а все остальное — любовь Михаила и даже маленькая дочка — все это только мешает ей, кажется несущественным («Не приучена в эти игры играть»). Это уже другая крайность. Но тоже жестокая, роковая ошибка.

Игра и жизнь — не просто тут разобраться, не просто понять. Но драматург, а следом за ним театр заставляют нас думать, искать выводы.

Детская дружба, елка с горящими огоньками, — может быть, это тоже игра? Нет, это настоящее. Это тот свет, то тепло, которое в трудную минуту согревает молодые надломленные души. И любовь Никиты и Нели — тоже не игра. Это настоящее чувство. Оно не напоказ, оно для жизни, для радости.

И примирение с отцом, к которому наконец приходит Терентий, тоже дорогого стоит. Оно настоящее. Настоящее — жизнь и смерть Михаила. И маленькое существо Леська. И горе матери Нели, потерявшей дочь. И самоотверженность Ловейко. И та теплая горбушка хлеба, которую отламывает Михаил, торопясь на помощь к больному.

Настоящее все то, что несет в себе теплоту, неравнодушие к людям, — вот к какому выводу приводит нас спектакль. И тут драматург, режиссер, актеры и в конечном итоге и зрители — единомышленники.

Спектакль идет напряженно, остро, как по лезвию. Но вот напряжение спадает, сарказм уступает место мягкому юмору, все сильнее звучит лирическая струна. И Кай уже улыбается, оттаивает, и Нелька прощена, и Терентий уходит вместе с отцом. Хочется верить, что эти симпатичные ребята на верном пути. Это в спектакле. А в действительности? Всегда ли так благополучно разрешаются наши жизненные конфликты между правдой жизни и игрой?

З. ЧИГАРЕВА.

г. Кемерово.

// Кузбасс, 1978, 5 декабря, с. 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЗБАСС

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Газета издается с 7 января 1922 года

№ 194 (17725).

ВТОРНИК, 24 АВГУСТА 1982 года.

Цена 3 коп.

Кемеровская писательница З. А. Чигарева заканчивает работу над публицистической повестью «След добра», посвященной проблеме воспитания подрастающего поколения, взаимоотношений детей и взрослых, проблеме трудных подростков и трудных родителей. Работники милиции, педагоги, представители общественности делают все возможное, чтобы помочь оступившимся подросткам крепко стать на ноги, найти место в жизни, вернуть детям, обездоленным безответственным поведением собственных родителей, счастливое детство.

Героиня повести журналистка Полина Ямщикова, выполняя общественное поручение, приходит в секцию по работе с трудными подростками при общественном пункте охраны правопорядка...

Зинаида Чигарева

СЛЕД ДОБРА

1.

Как ни торопилась Полина Викторовна, но все-таки опоздала. Задержала толстая старуха с маленькими хитроватыми глазками. Старуха це вызывала ни малейшей симпатии, но тем не менее ее жалоба требовала внимательного разбора. Старуха, вздыхая, говорила, что не нужна сыну, что невестка ее всячески унижает, притесняет, с внуками не разрешает водиться, и все из-за того, что она однажды — не с кем было оставить — взяла их с собою в церковь... Не без труда выпроводив жалобщицу, Полина поглядела на часы: батюшки-свет, семь часов!

Запыхавшись, она ворвалась в общественный пункт охраны правопорядка.

— Простите! Задержали дела...

Вера Антоновна и Галина Петровна стояли посреди комнатки в пальто и шапках. Карпова, тоже одетая, перебранивалась с кем-то по телефону.

Шершнева, увидав Полину, обрадовалась:

— Полина Викторовна, как хорошо, что вы пришли! Мы и не надеялись...

— Куда же вы собрались? И мне идти с вами?

— Сегодня у нас очередной рейд, — пояснила Вера Антоновна. — А вас я попрошу подежурить здесь.

— Да разве я смогу? — перепугалась Полина. — Одна... без вас...

— Да не трусьте вы — ничего особенного не предвидится. Если кто придет из подростков — побеседуйте. И непременно запишите в этот вот журнал. А чтобы не скучно было сидеть здесь... — Шершнева выдвинула ящик, — это наша картотека. Вам будет полезно познакомиться.

Полина вытащила из ящика стопу карточек. Тут же лежали соединенные скрепкой несколько листков.

Что ж, будем знакомиться с документацией*.

«Объяснение» — прочитала Полина на двойном тетрадном листе. В верхнем углу обращение по форме: «Начальнику ГОВД от Саенко Владимира Александровича, учащегося восьмого класса школы.., проживающего...

Отец (отчим): Александр Михайлович Саенко, инженер ремонтно-механического завода.

Мать: Саенко Тамара Николаевна, бухгалтер горторга.

Адрес:...

Поясняю, что ушел из дома потому, что 25 января не пошел в школу, болтался по улицам, ходил с друзьями в кино. Вечером пришел домой поздно. За все это мама отругала меня и сказала: «Тебе, кажется, пора опять уходить из дома. Разрешаю надеть чистые вещи». Утром родители ушли на работу, а я отправился на улицу, затем ходил с друзьями в кино. Ночевал в четвертом подъезде на площадке пятого этажа. Все остальные дни ночевал тоже в подъезде. Все дни ел у друзей. Сегодня, 7 февраля, проснулся в подъезде, пошел на улицу, пробыл там до трех часов дня, отправился в Центральный универмаг посмотреть себе место для будущего почелга. Зашел в секцию радиотоваров, затем пошел в подсобное помещение и стоял в уголке под лестницей. Здесь меня и задержали продавцы. С моих слов записано верно.

7 февраля 198... г. Саенко».

И тут же потрясающая в своей краткости и выразительности записка:

«Начальнику горотдела милиции...

Объяснительная.

Поясняю, что мой сын Володя ушел из дома 26/1. Причина — нежелание учиться.

Домой брать отказываюсь. Т. Саенко».

«Домой брать отказываюсь» — написала о своем сыне мать. Неужели и она, Полина, смогла бы так о своем сыне, о своем ребенке? Нет, она бы не смогла... Как бы там ни было — не смогла. Но подожди — не суди поспешно. Ты ничего не знаешь об этой семье. Разве дети не бывают виноваты? И неужели родители должны все терпеливо сносить? А если уже нет никаких сил? Вот и ложатся на бумагу страшные слова: «Домой брать отказываюсь...».

Но ведь когда-то этот отпетый Володька был совсем маленьким и податливым человечком. Злость, лень, разболтанность — все это пришло к нему позже. Как пришло? Почему? Кто в этом виноват? Кто?

Полина, пододвинув к себе стопу карточек, начала торопливо прочитывать их одну за другой, как будто надеялась сразу же, немедля, отыскать в них ответ на свои мучительные вопросы.

Имена... судьбы... поступки и проступки... и даже преступления!

Саша... Николай... Никита... Марина... Андрей...

Отца нет... Отец пьет... Отец на лечении в наркологическом диспансере... Отец — уважаемый человек на работе, заботливый семьянин.

Мать не занимается воспитанием, пьет, приводит домой мужчин... Мать — хорошая женщина, но больна и подолгу лежит в больнице... Мать на хорошем счету на работе, женщина самостоятельная...

У Полины кружилась голова. Казалось, все просто и объяснимо: безотцовщина, бесконтрольность, дурной пример родителей. Но тут же черным по белому: «Отец — заботливый семьянин...», «Мать — самостоятельная женщина...». А сын транзистор украл. Украл!

Записи... Записи... Мелькают даты... Меняются дни, месяцы, даже годы!

«Приглашены на беседу...», «Посетили дома...», «На вызов не явился...», «Беседовали в присутствии преподавателей...», «Вызывался на беседу с пом. прокурора...», «Пришел на беседу вместе с командиром стройотряда — комсомольцы техникума берут с собою на стройку в село».

Наконец светлым проблеском:

«Занимается спортом... В восьмом классе стал учиться прилично...».

«Беседовали с матерью. Девочка стала мягче, не убегает из дома. Начала читать книги...».

«Занятия в школе не пропускает, но учится слабо — сильно отстал. Поговорить с комсомольцами класса, чтобы помогли».

«Учится старательно, выполняет общественные поручения. В училище у ребят пользуется авторитетом. Дома помогает матери...».

Смотри ты, какой идеальный товарищ! Как же он попал на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних? Полина перевернула страницу. Вот оно что: подобралась компания — срывали с прохожих шапки.

— Можно? — на пороге остановился коренастый подросток: шапка в руках, светлые волосы аккуратно подстрижены и причесаны, серые глаза смотрят доброжелательно.

— Проходи. — Полина сложила карточки и спрятала в ящик. Вспомнив наказ Шершневой, придвинула к себе журнал и взяла ручку. — Я слушаю тебя.

— Меня приглашали в прошлый четверг, но я не мог прийти: мама недоговорилось. Вот пришел сегодня.

— Хорошо, что пришел. Давай знакомиться.

В светлых глазах парня вспыхнул непонятный огонек:

— Давайте, — сказал весело. — Я Юрий Касаткин. Учусь в десятом классе четвертой школы, занимаюсь в клубе радиолюбителей, — подумав, добавил: — Еще шахматы, имею разряд. И книги, разумеется...

Вот и еще одна образцово-показательная личность!

— Ну и как же ты учишься, Юрий Касаткин? Не ленишься? Занятия не пропускаешь?

Парень усмехнулся пренебрежительно:

— Ну уж нет! Что я, кретин какой недоразвитый? У меня и троек нет.

— Вот как! — не смогла скрыть удивления Полина Викторовна.

— Да, так! — произнесено это было с некоторой долей иронии и даже превосходства. — Я в институт поступать буду. В Томский политех.

— Комсомолец? — Вопрос естественный: такому только и быть в рядах передовой молодежи. А он вот оказался в одной компании со всяким неуправляемым элементом. Парадокс! Ирония судьбы!

Парень насторожился, ответил, помедлив:

— Нет... еще нет. Я, знаете ли, не спешу, — нашел он нужным пуститься в пояснения. — Когда почувствую, что достоин высокой чести.

— Живешь с родителями?

— Да. С мамой и отцом. Вас интересует, где они работают?

— Конечно.

— Мама — экономист на шахте. Отец — заместитель главного энергетика... — и замолчал, но всем своим видом выражал готовность ответить на любой вопрос.

— Есть братья? Сестры? Или...

— Нет, я единственный сын.

Кажется, все вопросы исчерпаны. Все, кроме одного — самого главного. Но задать его нелегко, непросто... И вспомнив соседа Вовку, который не дает ей житья своими музыкальными пристрастиями, Полина обратилась к Юрию:

— Ты как, случайно не увлекаешься музыкой?

— Музыкой? Уважаю серьезный рок. Но умеренно. С ума сходить из-за модных дисков не собираюсь.

— А за что тебя поставили на учет, Юра?

Он ждал этого вопроса. Он был готов к нему. Улыбнулся, показав ямочки на щеках:

— А вы не допускаете, что возможны недоразумения и ошибки?

— В принципе, конечно, допускаю, но...

— Так и получилось. Мы играли. Весело было. Ну просто пошутили...— и замолчал, надеясь, что его объяснение удовлетворит покладистую тетю. Но «тетя» молчала, ожидая продолжения.

— Понимаете, есть люди, которые не воспринимают юмора. Мы играли в кино. Только и всего. А нам пришили невесть что. Мы пытались доказать, и мои родители тоже. Но это же милиция... — И потки пренебрежения, тщательно маскируемого почтительным тоном.

Ох, парень, что-то ты больно себе на уме!

— Но знаете, — встревоженный ее молчанием парень притушил лукавый огонек в глазах, покаянно свесил на грудь голову, — мы, конечно, увлеклись, допустили перебор. Глупый случай — мальчишка ушибся.., сам был виноват, но мы оказались в ответе.

Он что-то еще продолжал объяснять, но слова, скользкие, обтекаемые, не задерживались в ее сознании, и картина происшедшего с ним так и не приняла четких очертаний. Полина отпустила парня.

Юрий вежливо попрощался, открыл дверь. Оглянулся:

— Только вы, пожалуйста, отметьте, что я был у вас. Не забудете?

— Не забуду.

Выждав, пока затихнут шаги в коридоре, Полина вытащила карточки. В личном деле Юрия Касаткина лежало несколько тонких, как папиросная бумага, листков, плотно заполненных бледно-голубым машинописным текстом.

Материалы суда?! Приговор?! Ничего себе! Вот тебе и образцово - показательный мальчик!

Да, Юра! Прочитай она эти бумаги тридцатью минутами раньше, не такой бы приятственный, ни к чему не обязывающий разговор состоялся у них. Она бы спросила его... она бы спросила, за какую же «милую» шутку получил он два года с отсрочкой приговора?

Откуда такая жестокость у мальчишки, который, кроме заботы, внимания и любви к себе, ничего не видел со дня своего рождения? Откуда эта жестокость? И ни капли жалости, сострадания к чужим мукам. Какая там жалость? это же было одно удовольствие — видеть страх на лице малыша, его слезы. Они смеялись. Как он сказал, Юра Касаткин? «Было весело...»? Им было весело!

А что же мать Юрия? Как же она отнеслась к «подвигам» своего любимого чада? Да вот ее слова: «Мальчишеская шалость...», «Обыкновенная мальчишеская шалость...». Обыкновенная?! Для нее, женщины, матери,—и обыкновенная? Ничего особенного, все в порядке вещей?

Полина еще раз пробежала глазами по бледным строкам копии обвинительного заключения:

«Восьмого августа Аркаша Петров, ученик третьего класса школы №.., девяти лет, и его друг, Миша Зубов, ученик четвертого класса школы №..., десяти лет, играли во дворе дома №... по улице... Мальчишки качались на панцирной сетке от выброшенной кем-то старой кровати, когда во дворе появились Юрий Касаткин, учащийся девятого класса школы №..., шестнадцати лет, и Виталий Смирнов, учащийся ГПТУ №.., пятнадцати лет.

Касаткин крикнул детям: «Хотите поиграть с нами? Мы вам устроим «пять минут допроса»! Мальчишки испугались и побежали. Миша Зубов успел убежать, а Аркаша споткнулся, и его схватил за рубашку Смирнов. Касаткин и Смирнов привязали мальчика бельевой веревкой к бетонному столбу. «Бери сетку, — командовал Касаткин, — и бросай на него!». Смирнов подчинился и стал бросать железную тяжелую сетку на Аркашу, а Касаткин накинул на шею мальчика конец бельевой веревки и стал притягивать к столбу. Мальчик, пытаясь вырваться, несколько раз сильно ударился головой о столб, начал задыхаться...».

В копии заключения судмедэксперта указывалось, что на теле ребенка обнаружены следы ударов, кровоподтеки и ссадины. Мальчик находился в шоковом состоянии. В результате перенесенного потрясения произошло длительное нервное расстройство.

Полина сложила листки, сколола их скрепкой и спрятала в стол. Пожалуй, только теперь осознала она по-настоящему всю серьезность новых своих обязанностей.

(Продолжение следует).

---

* Здесь приведены выдержки из подлинных документов, изменены только даты, имена и фамилии.

// Кузбасс, 1982, 24 августа, с. 4

(текст см. на следующих слайдах. Начало. Продолжение следует)

Зинаида ЧИГАРЁА

СЛЕД ДОБРА

Кемеровская писательница З. А. Чигарёва заканчивает работу над публицистической повестью «След добра», посвящённой проблеме воспитания подрастающего поколения, взаимоотношений детей и взрослых, проблеме трудных подростков и трудных родителей. Работники милиции, педагоги, представители общественности делают всё возможное, чтобы помочь оступившимся подросткам крепко стать на ноги, найти место в жизни, вернуть детям, обездоленным безответственным поведением собственных родителей, счастливое детство.

Героиня повести Полина Ямщикова, выполняя общественное поручение, приходит в секцию по работе с трудными подростками при общественном пункте охраны правопорядка.

I.

Как ни торопилась Полина Викторовна, но всё-таки опоздала. Задержала толстая старуха с маленькими хитроватыми глазками. Старуха не вызывала ни малейшей симпатии, но тем не менее её жалоба требовала внимательного разбора. Старуха, вздыхая, говорила, что не нужна сыну, что невестка её всячески унижает, притесняет, с внуками не разрешает водиться, и всё из-за того, что она однажды – не с кем было оставить – взяла их с собою в церковь… Не без труда выпроводив жалобщицу, Полина поглядела на часы: батюшки-светы, семь часов!

Запыхавшись, она ворвалась в общественный пункт охраны правопорядка.

– Простите! Задержали дела…

Вера Антоновна и Галина Петровна стояли посреди комнатки в пальто и шапках. Карпова, тоже одетая, перебранивалась с кем-то по телефону.

Шершнёва, увидав Полину, обрадовалась:

– Полина Викторовна, как хорошо, что вы пришли! Мы и не надеялись…

– Куда же вы собрались? И мне идти с вами?

– Сегодня у нас очередной рейд, – пояснила Вера Антоновна. – А вас я попрошу подежурить здесь.

– Да разве я смогу? – перепугалась Полина. – Одна… без вас…

– Да не трусьте вы – ничего особенного не предвидится. Если кто придёт из подростков – побеседуйте. И непременно запишите в этот вот журнал. А чтобы не скучно было сидеть здесь… – Шершнёва выдвинула ящик, – это наша картотека. Вам будет полезно познакомиться.

Полина вытащила из ящика стопу карточек. Тут же лежали соединённые скрепкой несколько листков.

Что ж, будем знакомиться с документацией*.

«Объяснение» – прочитала Полина на двойном тетрадном листе. В верхнем углу обращение по форме: «Начальнику ГОВД от Саенко Владимира Александровича, учащегося восьмого класса школы…, проживающего…

Отец (отчим): Александр Михайлович Саенко, инженер ремонтно-механического завода.

Мать: Саенко Тамара Николаевна, бухгалтер горторга.

Адрес…

Поясняю, что ушёл из дома потому, что 25 января не пошёл в школу, болтался по улицам, ходил с друзьями в кино. Вечером пришёл домой поздно. За всё это мама отругала меня и сказала: «Тебе, кажется, опять пора уходить из дома. Разрешаю надеть чистые вещи». Утром родители ушли на работу, а я отправился на улицу, затем ходил с друзьями в кино. Ночевал в четвёртом подъезде на площадке пятого этажа. Все остальные дни ночевал тоже в подъезде. Все дни ел у друзей. Сегодня, 7 февраля, проснулся в подъезде, пошёл на улицу, пробыл до трёх часов дня, отправился

---

* Здесь приведены выдержки из подлинных документов, изменены только даты, имена и фамилии.

в Центральный универмаг посмотреть себе место для будущего ночлега. Зашёл в секцию радиотоваров, затем пошёл в подсобное помещение и стоял в уголке под лестницей. Здесь меня и задержали продавцы. С моих слов записано верно.
7 февраля 198… г. Саенко».
И тут же потрясающая в своей краткости и выразительности записка:
«Начальнику горотдела милиции…
Объяснительная.
Поясняю, что мой сын Володя ушёл из дома 26/1. Причина – нежелание учиться.
Домой брать отказываюсь. Т. Саенко».
«Домой брать отказываюсь» – написала о своём сыне мать. Неужели и она, Полина, смогла бы так о своём сыне, о своём ребёнке? Нет, она бы не смогла… Как бы там ни было – не смогла. Но подожди – не суди поспешно. Ты ничего не знаешь об этой семье. Разве дети не бывают виновны? И неужели родители должны всё терпеливо сносить? А если уже нет никаких сил? Вот и ложатся на бумагу страшные слова: «Домой брать отказываюсь…».
Но ведь когда-то этот отпетый Володька был совсем маленьким и податливым человечком. Злость, лень, разболтанность – всё это пришло к нему позже. Как пришло? Почему? Кто в этом виноват? Кто?
Полина, пододвинув к себе стопу карточек, начала торопливо прочитывать их одну за другой, как будто надеялась сразу же, немедля, отыскать в них ответ на свои мучительные вопросы.
Имена… судьбы… поступки и проступки… и даже преступления!
Саша… Николай… Никита… Марина… Андрей…
Отца нет… Отец пьёт… Отец на лечении в наркологическом диспансере… Отец – уважаемый человек на работе, заботливый семьянин.
Мать не занимается воспитанием, пьёт, приводит домой мужчин… Мать – хорошая женщина, но больна и подолгу лежит в больнице… Мать на хорошем счету на работе, женщина самостоятельная…
У Полины кружилась голова. Казалось, всё просто и объяснимо: безотцовщина, бесконтрольность, дурной пример родителей. Но тут же чёрным по белому: «Отец – заботливый семьянин…», «Мать – самостоятельная женщина…». А сын транзистор украл. Украл!
Записи… Записи… Мелькают даты… Меняются дни, месяцы, даже годы!
«Приглашены на беседу…», «Посетили дома…», «На вызов не явился…», «Беседовали в присутствии преподавателей…», «Вызывали на беседу с пом. прокурора…», «Пришёл на беседу вместе с командиром стройотряда – комсомольцы техникума берут с собою на стройку в село».
Наконец светлым проблеском:
«Занимается спортом… В восьмом классе стал учиться прилично…».
«Беседовали с матерью. Девочка стала мягче, не убегает из дома. Начала читать книги…».
«Занятия в школе не пропускает, но учится слабо – сильно отстал. Поговорить с комсомольцами класса, чтобы помогли».
«Учится старательно, выполняет общественные поручения. В училище у ребят пользуется авторитетом. Дома помогает матери…».
Смотри ты, какой идеальный товарищ! Как же он попал на учёт в инспекцию по делам несовершеннолетних? Полина перевернула страницу. Вот оно что: подобралась компания – срывали с прохожих шапки.
– Можно? – на пороге остановился коренастый подросток: шапка в руках, светлые волосы аккуратно подстрижены и причёсаны, серые глаза смотрят доброжелательно.
– Проходи, – Полина сложила карточки и спрятала в ящик. Вспомнив наказ Шершнёвой, придвинула к себе журнал и взяла ручку. – Я слушаю тебя.
– Меня приглашали в прошлый четверг, но я не мог прийти: маме нездоровилось. Вот пришёл

сегодня.
– Хорошо, что пришёл. Давай знакомиться.
В светлых глазах парня вспыхнул непонятный огонёк:
– Давайте, – сказал весело. – Я Юрий Касаткин. Учусь в десятом классе четвёртой школы, занимаюсь в клубе радиолюбителей, – подумав, добавил: – Ещё шахматы, имею разряд. И книги, разумеется…
Вот и ещё одна образцово-показательная личность!
– Ну, и как же ты учишься, Юрий Касаткин? Не ленишься? Занятия не пропускаешь?
Парень усмехнулся пренебрежительно:
– Ну, уж нет! Что я, кретин какой недоразвитый? У меня и троек нет.
– Вот как! – не смола скрыть удивление Полина Викторовна.
– Да, так! – произнесено это было с некоторой долей иронии и даже превосходства.
– Я в институт поступать буду. В Томский политех.
– Комсомолец? – Вопрос естественный: такому только и быть в рядах передовой молодёжи. А он вот оказался в одной компании со всяким неуправляемым элементом. Парадокс! Ирония судьбы!
Парень насторожился, ответил, помедлив:
– Нет… ещё нет. Я, знаете ли, не спешу, – нашёл он нужным пуститься в пояснения. – Когда почувствую, что достоин высокой чести.
– Живёшь с родителями?
– Да, с мамой и отцом. Вас интересует, где они работают?
– Конечно.
– Мама – экономист на шахте. Отец – заместитель главного энергетика… – и замолчал, но всем своим видом выражал готовность ответить на любой вопрос.
– Есть братья? Сёстры? Или…
– Нет, я единственный сын.
Кажется, все вопросы исчерпаны. Все, кроме одного – самого главного. Но задать его нелегко, непросто… И вспомнив соседа Вову, который не даёт ей житья своими музыкальными пристрастиями, Полина обратилась к Юрию:
– Ты как, случайно не увлекаешься музыкой?
– Музыкой? Уважаю серьёзный рок. Но умеренно. С ума сходить из-за модных дисков не собираюсь.
– А за что тебя поставили на учёт, Юра?
Он ждал этого вопроса. Он был готов к нему. Улыбнулся, показав ямочки на щеках:
– А вы не допускаете, что возможны недоразумения и ошибки?
– В принципе, конечно, допускаю, но…
– Так и получилось. Мы играли. Весело было. Ну просто пошутили… – и замолчал, надеясь, что его объяснение удовлетворит покладистую тётю. Но «тётя» молчала, ожидая продолжения.
– Понимаете, есть люди, которые не воспринимают юмора. Мы играли в кино. Только и всего. А нам пришили невесть что. Мы пытались доказать, и мои родители тоже. Но это же милиция… – И нотки пренебрежения, тщательно маскируемого почтительным тоном.
Ох, парень, что-то ты больно себе на уме!
– Но знаете, – встревоженный её молчанием парень притушил лукавый огонёк в глазах, покаянно свесил на грудь голову, – мы, конечно, увлеклись, допустили перебор. Глупый случай – мальчишка ушибся…, сам был виноват, но мы оказались в ответе.
Он что-то ещё продолжал объяснять, но слова, скользкие, обтекаемые, не задерживались в её сознании, и картина происшедшего с ним так и не приняла чётких очертаний. Полина отпустила парня.

Юрий вежливо попрощался, открыл дверь. Оглянулся:
– Только вы, пожалуйста, отметьте, что я был у вас. Не забудете?
– Не забуду.
Выждав, пока затихнут шаги в коридоре, Полина вытащила карточки. В личном деле Юрия Касаткина лежало несколько тонких, как папиросная бумага, листков, плотно заполненных бледно-голубым машинописным текстом.
Материалы суда?! Приговор?! Ничего себе! Вот тебе и образцово-показательный мальчик!
Да, Юра! Почитай она эти бумаги тридцатью минутами раньше, не такой бы приятственный, ни к чему не обязывающий разговор состоялся у них. Она бы спросила его… она бы спросила, за какую же «милую» шутку получил он два года с отсрочкой приговора?
Откуда такая жестокость у мальчишки, который, кроме заботы, внимания и любви к себе, ничего не видел со дня своего рождения? Откуда эта жестокость? И ни капли жалости, сострадания к чужим мукам. Какая там жалость? Это же было одно удовольствие – видеть страх на лице малыша, его слёзы. Они смеялись. Как он сказал, Юра Касаткин: «Было весело…»? Им было весело!
А что же мать Юрия? Как же она отнеслась к «подвигам» своего любимого чада? Да вот её слова: «Мальчишеская шалость…», «Обыкновенная мальчишеская шалость…». Обыкновенная?! Для неё, женщины, матери, – и обыкновенная? Ничего особенного, всё в порядке вещей?
Полина ещё раз пробежала глазам по бледным строкам обвинительного заключения:
«Восьмого августа Аркаша Петров, ученик третьего класса школы № …, девяти лет, и его друг Миша Зубов, ученик четвёртого класса школы № …, десяти лет, играли во дворе дома № … по улице… Мальчишки качались на панцирной сетке от выброшенной кем-то старой кровати, когда во дворе появились Юрий Касаткин, учащийся десятого класса школы № …, шестнадцати лет, и Виталий Смирнов, учащийся ГПТУ № …, пятнадцати лет.
Касаткин крикнул детям: «Хотите поиграть с нами? Мы вам устроим «пять минут допроса»! Мальчишки испугались и побежали. Миша Зубов успел убежать, а Аркаша споткнулся, и его схватил за руку Смирнов. Касаткин и Смирнов привязали мальчика бельевой верёвкой к бетонному столбу. «Бери сетку, – командовал Касаткин, – и бросай на него!» Смирнов подчинился и стал бросать железную тяжёлую сетку на Аркашу, а Касаткин накинул на шею мальчика конец бельевой верёвки и стал притягивать к столбу. Мальчик, пытаясь вырваться, несколько раз сильно ударился головой о столб, начал задыхаться…».
В копии заключения судмедэксперта указывалось, что на теле ребёнка обнаружены следы ударов, кровоподтёки и ссадины. Мальчик находился в шоковом состоянии. В результате перенесённого потрясения произошло длительное нервное расстройство.
Полина сложила листки, сколола их скрепкой и спрятала в стол. Пожалуй, только теперь осознала она по-настоящему всю серьёзность новых своих обязанностей.
(Продолжение следует).

// Кузбасс, 1982, 24 августа, с. 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЗБАСС

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Газета издается с 7 января 1922 года

№ 195 (17726).
СРЕДА,
25
АВГУСТА
1982 года.
Цена 2 коп.

Зинаида Чигарева

СЛЕД ДОБРА

II.

В ДВЕРЬ позвонили. Полина спустила ноги с кушетки, нашарила тапочки.

На площадке стоял Борис Петровский. Увидев ее, смутился и покраснел:

— Мне сказали, что вы больны...

— Какой ты молодец, Борька! Проходи. А то я скучаю одна.

В прихожей Борис снял свое модное облачение, с оглядкой, бочком проникнул в комнату и с любопытством оглянулся.

— Хочешь чаю? — спросила из кухни Полина Викторовна.

— Нет, спасибо!

— А мне пить захотелось. Ты посиди пока, — Полина намеренно задержалась на кухне: пускай мальчишка осмотрится.

Борис присел на кончик стула, исподтишка поглядывает вокруг. Любопытно знать, понравится ему здесь или нет. У папы его, само собой, комфорт: мебель — сплошной модерн, все, поди, блистает полировкой, сверкает хрусталем. А у нее вещи старые, давние. Стоят они на своих местах скромненько, не выпячиваясь.

И книги. Их, конечно, не так много. Но это ее друзья. Вот и Бориса заинтриговали. Поднялся со стула, подошел на цыпочках к стеллажу. Лицо посуровело, брови свел над переносицей — изучает.

— Бери, Боря, не стесняйся, — Полина поставила на стол тарелку с яблоками.

— Кто это? — кивнул на портрет девушки в военной гимнастерке.

— Мама. Моя мама. Чему ты удивляешься? Да, я почти старуха, а она вот такая — молодая. Девятнадцать лет...

— Она что? Погибла на фронте?

— Да. И отец тоже. Он был убит раньше, чем я появилась на свет. А родилась я в госпитале, под бомбежкой.

И теперь с тем же обостренным любопытством, как прежде смотрел на книги, он разглядывал ее самое.

Война! Он много слышал, читал о войне. Видел в кино и на телеэкране. И вот война подошла совсем близко и встала рядом с ним, приняв облик худощавой смуглой женщины с лихорадочно блестящими темными глазами. Полина Викторовна молчала — она смотрела на него с грустной полуулыбкой и, казалось, читала его мысли. От этого он вовсе растерялся и, чтобы скрыть растерянность, спросил невпопад:

— А-а... как вы себя сейчас чувствуете?

— Спасибо, Боря. Как видишь, поправляюсь. ОРЗ — острое респираторное заболевание, так это теперь называется. А по-моему, это самый обыкновенный грипп.

— А я испугался за вас тогда... Ну, когда мы были у той женщины. Хорошо еще, что вы меня с собой взяли. — Борис поднял на Полину округлившиеся глаза. — Как же можно так жить? Просто ужас какой-то. Кругом грязь, мать полупьяная... и пацаны, спящие на полу в туалете. Я, честное слово, и представить себе не мог, что такое возможно.

«Ага! — не без злорадства подумала Полина Викторовна. — Он, видите ли, представить себе не мог! А малый, что из-за его заграничной штучки сиганул со второго этажа?.. Разве тот же Женька Сыромятников, которого он увидел спящим на полу возле унитаза, не сиганул бы? Или тот мальчишка — из универмата? Вот и вспомнился... А давненько не приходил в ее мысль. Выжидал будто. Ну что ж, сейчас самый подходящий момент: ручка пришла на память... японская, семицветная... А у того другая была — серенькая, обычная, за двадцать копеек.

— Я прилягу, Боря. Устала. А ты устраивайся в кресле.— Ты спрашиваешь, кто виноват в бедственном положении детей Сыромятниковой? Да уж ни время — слава богу, не война! — ни общество. Только мать — так я считаю, по крайней мере...

— А отец? Ведь есть же у них отец?

— Да, конечно. И отец. Но... Я знаю многих женщин, которые в одиночку, без отцов, поднимали на ноги ребят. А как росла я? У меня не было ни матери, ни отца. Но было детство. Мне есть что вспомнить, есть чем дорожить. У меня была радость — спасибо бабушке! А это самое главное. Хуже нет, друг мой, когда дети лишены радости. Это скверно, брат. И опасно. Это очень опасно, когда у ребенка отнята радость.

— Опасно? Чем же?

— Человек, Боря, не может существовать без радости так же, как без воздуха, хлеба, воды: пусть будет иногда хоть совсем маленькая, крошечная какая-нибудь, но радость. Каждый человек. Каждый! Тем паче ребенок. А если, представь, вокруг так много чужой радости, такое изобилие всевозможных благ, удовольствий, развлечений, а какому-нибудь одному единственному ребенку все это недоступно, то, как ты думаешь, каково ему?

— Вот тогда-то он и со второго этажа прыгнет и еще что похуже сотворить может — ради этой своей маломальской радости. Ради той же, к примеру, шариковой ручки — пустяшной, дешевенькой, всего за двадцать копеек. Но у него нет этих двадцати копеек — вот трагедия, Борис.

Невидимый в своем кресле Борис обиделся:

— И вовсе она не двадцать копеек...

— А я, Боря, не про твою, японскую. Я про свою... Есть и у меня свой неоплаченный долг. Хочешь, расскажу? — Это уже вовсе неожиданно у нее вырвалось, даже, можно сказать, против ее воли. Она и в мыслях не допускала, что громко, вслух — для кого-то постороннего — отважится повторить то, что тысячи и тысячи раз твердила мысленно. Дело в том, что с житейской точки зрения случай тот настолько ничтожен, что любой здравомыслящий человек, отойдя, тут же бы и забыл о нем. Значит, она не здравомыслящая, что не может забыть. А Боря? Что он способен увидеть в этом заурядном случае? — Но слово вырвалось — обратного пути нет.

Полина подтянула под себя ноги, оперлась локтем о подушку:

— Не знаю, будет ли тебе интересно. История банальная... Захожу я как-то в универмаг, в канцелярский отдел. Зачем — уж и не помню сейчас: записная книжка, что ли, понадобилась. Подхожу к кассе. А на прилавке коробочки — в одной карандаши, в другой стержни, ручки всякие. А впереди мальчонка стоит. Ну стоит себе и стоит — я на него и внимания не обратила даже. Лет одиннадцати — двенадцати мальчонка. Гляжу, а он руку тянет и — хвать! Ручку шариковую — знаешь, такие маленькие, без колпачка, двадцатикопеечные? — и в рукав!

— Ну и... — кресло под Борисом скрипнуло.

— Что ну? — усмехнулась невесело. — У так называемых порядочных людей, Боря, бывает этакое зазнайство. Очень уж кичатся они своей безупречной репутацией. Вот и во мне это свойство сработало в тот момент. Тихо так говорю, чтобы продавщица не услышала: положи на место!

— А он что? — Близко, видно, принял к сердцу, даже глаза сверкнули в потемках.

— Вздрогнул, глянул на меня и швырнул ручку в коробку—к тем, остальным. И взгляд. Не могу я забыть этого взгляда, Боря. И ненависть в нем проглянула—как же иначе?—радость я у него отняла, пусть копеечную, пусть воровавную, но радость ведь! И такая еще, понимаешь, тоска смертная, такая обреченность, как будто я его жизни лишила... Да! Знаешь, — оборвала себя,— зажгу-ка я лампу. А то что-то совсем мрачно стало.

Светлый круг настольной лампы выхватил из темноты наклонившуюся вперед фигуру мальчишки. Глаза в пол, и на лбу поперечная складка—задумался. Впервые с ним такое происходило — чтобы взрослый человек и вот так разговаривал с ним, мальчишкой!

— Ну и что? — спросил в свою очередь. — Что вы еще могли тогда? Сделать вид, что ничего не заметили? Пусть себе ворует. Моя хата с краю?

— Нет, — вскинулась Полина Викторовна, — что ты! Это было бы еще хуже. И не потому, что я побоялась бы стать пособницей. Я, знаешь, все пытаюсь оправдать себя: мол, я ту минуту растерялась, не успела взвесить, обдумать. Но почему же мне не пришло в голову самое простое, самое элементарное — отдать продавщице эти несчастные двадцать копеек и сказать мальчишке: «Бери твою ручку, я за нею заплатила». Куда уж, кажется, проще!

— Ну, не знаю, — проронил с сомнением Борис и быстро, с прищуром, взглянул на Полину Викторовну. — А если бы он не взял?

— Но, Боря... он УЖЕ взял!

— Как вы не поймете? — горячится Борис. — Пусть он украл, но сам! Понимаете? САМ! Он рисковал. А вы... ну как вам объяснить? Ну это была бы просто подачка. Как милостыня. Но вы... вы... вы бы тогда не мучились, а думали умилительно: ах, какая я хорошая! Да-да! Точно так же, как сейчас думаете, что плохая...

И смотрит сердито, ни дать ни взять взъерошенный воробей на заборе. А у Полины от такого крутого виража даже голова закружилась. Вот они какие, нынешние мальчишки! Но что же ему ответить, вот загвоздка!

— А разве не важно, Боря, с каким чувством даешь? Для чего даешь?

— Вам, конечно, важно. А ему все равно. Все одно — подачка. А вы знаете,—голос зазвенел натужно,—что такое подачка? Каково ее принимать? Зато тем, кто дает, ах, как это приятно! Какие они собой довольные! И вы... вы тоже хотели для себя такого?

Да, прокурор! И голос не сразу обрела, чтобы ответить:

— Ты прав. Прости. Я и вправду думала больше о себе.

— Полина Викторовна! — впервые он назвал ее по имени! — Почему... почему все так трудно? Люди живут, умирают... бывают войны... есть беды, болезни... Они не зависят ни от меня, ни от вас—ни от кого из людей. Но я не о них. Как бы сказать, чтобы вы меня поняли? Но сами-то люди—вы только посмотрите кругом!—сколько они приносят горя друг другу! И ведь просто так... не из-за чего. Ну то есть, не совсем из-за ничего, а из-за каких-то там ничтожностей. Мелочей всяких. Почему? Почему эта женщина, Сыромятникова, не может жить, как все люди? Не хочет позаботиться о детях? И чтобы сыты были, и постели чистые? Зачем она пьет? И... — Борису не хватило дыхания,—... и отец... Если он не любил маму, зачем женился? Да и ту, нынешнюю свою, он, по-моему, вовсе не любит. Я же вижу: он ее боится.

Нет, вовсе не из-за желания ударить парня по больному месту и не ради того, чтобы позлорадничать, спросила она его о том же, о чем он только что мучительно вопрошал:

— А ты сам как же, Боря?

Взметнулись вверх ресницы, глаза на пол-лица: не поняв! Не понял, потому что никогда еще не измерял своих поступков той же беспощадной мерой, с какой подходил к другим. Он судил тех, кто причинял боль EMУ, судить же самого себя он пока не умел. Но вот зарделись чуть тронутые пушком щеки, снижала кудрявая голова, и, когда он поднял лицо к Полине Викторовне, глаза его смотрели серьезно и строго:

— Да, и я тоже...—Встал.—Я пошел. Извините. Спасибо.

А разве ты не хочешь взять что-нибудь почитать? Неуверенно повел плечами:

— Не знаю.

— Вот возьми для начала,—Полина Викторовна достала с полки синий продолговатый томик, бережно прикоснулась к переплету. — Моя любимая. Грин.

— Грэм Грин? С английского? — блеснуло эрудицией дитя своего времени.

— Нет. Александр Степанович. С русского.

— А-а! «Алые паруса» — знаю. — И улыбнулся с чувством превосходства.

— Да. «Алые паруса», — она сочла нужным не заметить его снисходительной усмешки. — Но не только. Почитай—узнаешь.

— Ладно уж, — осчастливил согласием.

Перешагнув порог, остановился:

— Ладно, я вам скажу. Вам одной. Пусть там, в вашем общественном пункте, думают, что хотят. Я не оправдываюсь — виноват я с этой дурацкой ручкой. Но Сережка... тот, что вырвал,— он вовсе не из таких, как этот ваш паренек из универмага. Или как те, которых мы видели в той квартире. У Сережки все есть. Только ему мало — жадюга такая! Пристал: давай меняться или продай. Не хватало еще, чтобы я торговлей занялся! — Знакомая презрительная улыбка скользнула по губам. — Я и ляпнул первое, что в голову пришло— мы как раз у балкона стояли. Он был заколочен, но мы его уже открывали... курить ходили... Ну вот, если спрыгнешь, говорю... Думал—отвяжется.

— Ты хоть ручку-то отдал ему? — засмеялась Полина Викторовна.

— Нина Фадеевна отобрала, как улику.

А что если откровенность ни откровенность? Не будет ли это предательством, если она тоже скажет ему правду, то, что его вовсе не ставили на учет, а только сделали вид в воспитательных целях?

— Боря, я должна тебе сказать. Только ты пойми меня правильно. — Полина Викторовна придержала его за рукав. — Это касается нашего пункта.

— Не надо! — На мальчишеском лице обычное упрямое выражение. — Не надо мне никакой милости. И просить за меня не надо. Буду сполна платить свои долги.

(Окончание следует).

Продолжение. Начало в номере за 24 августа.

// Кузбасс, 1982, 25 августа, с. 4.

(текст см. на следующих слайдах. Продолжение. Окончание следует)

Зинаида ЧИГАРЁВА

СЛЕД ДОБРА

II.

В дверь позвонили. Полина спустила ноги с кушетки, нашарила тапочки.

На площадке стоял Борис Петровский. Увидев её, смутился и покраснел:

– Мне сказали, что вы больны…

– Какой ты молодец, Борька! Проходи. А то я скучаю одна.

В прихожей Борис снял своё модное облачение, бочком проникнул в комнату и с любопытством оглянулся.

– Хочешь чаю? – спросила из кухни Полина Викторовна.

– Нет, спасибо!

– А мне пить захотелось. Ты посиди пока, – Полина намеренно задержалась на кухне: пускай мальчишка осмотрится.

Борис присел на кончик стула, исподтишка поглядывает вокруг. Любопытно знать, понравится ему здесь или нет. У папы его, само собой, комфорт: мебель – сплошной модерн, всё, поди, блистает полировкой, сверкает хрусталём. А у неё вещи старые, давние. Стоят они на своих местах скромненько, не выпячиваясь.

И книги. Их, конечно, не так много. Но это её друзья. Вот и Бориса заинтриговали. Поднялся со стула, подошёл на цыпочках к стеллажу. Лицо посуровело, брови свёл над переносицей – изучает.

– Бери, Боря, не стесняйся, – Полина поставила на стол тарелку с яблоками.

– Кто это? – кивнул на портрет девушки в военной гимнастёрке.

– Мама. Моя мама. Чему ты удивляешься? Да, я почти старуха, а она вот такая – молодая. Девятнадцать лет…

– Она что? Погибла на фронте?

– Да. И отец тоже. Он был убит раньше, чем я появилась на свет. А родилась я в госпитале, под бомбёжкой.

И теперь с тем же обострённым любопытством, как прежде смотрел на книги, он разглядывал её самоё.

Война! Он много слышал, читал о войне. Видел в кино и на телеэкране. И вот война подошла совсем близко и встала рядом с ним, приняв облик худощавой смуглой женщины с лихорадочно блестящими тёмными глазами. Полина Викторовна молчала – она смотрела на него с грустной полуулыбкой и, казалось, читала его мысли. От этого он вовсе растерялся и, чтобы скрыть растерянность, спросил невпопад:

– А-а… как вы себя сейчас чувствуете?

– Спасибо, Боря. Как видишь, поправляюсь. ОРЗ – острое респираторное заболевание, так это теперь называется. А по-моему, это самый обыкновенный грипп.

– А я испугался за вас тогда… Ну, когда вы были у той женщины. Хорошо ещё, что вы меня с собой взяли. – Борис поднял на Полину округлившиеся глаза. – Как же можно так жить? Просто ужас какой-то… Кругом грязь, мать полупьяная… и пацаны, спящие на полу в туалете. Я, честное слово, и представить себе не мог, что такое возможно.

– «Ага!» – не без злорадства подумала Полина Викторовна.

– Он, видите ли, представить себе не мог! А малый, что из-за его заграничной штучки сиганул со второго этажа?.. Разве тот же Женька Сыромятников, которого он увидел спящим на полу возле унитаза, не сиганул бы? Или тот мальчишка – из универмага? Вот и вспомнился… А давненько не приходил в её мысль. Выжидал будто. Ну что ж, сейчас самый подходящий момент: ручка пришла на память… японская, семицветная… А у того другая была – серенькая, обычная, за двадцать копеек.

– Я прилягу, Боря. Устала. А ты устраивайся в кресле. – Ты спрашиваешь, кто виноват в бедственном положении детей Сыромятникова? Да уж ни время – слава богу, не война! – ни общество. Только мать – так я считаю, по крайней мере…
– А отец? Ведь есть же у них отец?
– Да, конечно. И отец. Но… Я знаю многих женщин, которые в одиночку, без отцов, поднимали на ноги ребят. А как росла я? У меня не было ни матери, ни отца. Но было детство. Мне есть что вспомнить, есть чем дорожить. У меня была радость – спасибо бабушке! А это самое главное. Хуже нет, друг мой, когда дети лишены радости. Это скверно, брат. И опасно. Это очень опасно, когда у ребёнка отнята радость.
– Опасно? Чем же?
– Человек, Боря, не может существовать без радости так же, как без воздуха, хлеба, воды: пусть будет иногда хоть совсем маленькая, крошечная какая-нибудь, но радость. Каждый человек. Каждый! Тем паче ребёнок. А если, представь, вокруг так много чужой радости, такое изобилие всевозможных благ, удовольствий, развлечений, а какому-нибудь одному единственному ребёнку всё это недоступно, то, как ты думаешь, каково ему?
– Вот тогда-то он и со второго этажа прыгнет и ещё что похуже сотворить может – ради этой своей маломальской радости. Ради той же, к примеру, шариковой ручки – пустяшной, дешёвенькой, всего за двадцать копеек. Но у него нет этих двадцати копеек – вот трагедия, Борис.
Невидимый в своём кресле Борис обиделся:
– И вовсе она не двадцать копеек…
– А я, Боря, не про твою, японскую. Я про свою… Есть и у меня неоплаченный долг. Хочешь, расскажу? – Это уже вовсе неожиданно у неё вырвалось, даже, можно сказать, против её воли. Она и в мыслях не допускала, что громко, вслух – для кого-то постороннего – отважится повторить то, что тысячи и тысячи раз твердила мысленно. Дело в том, что с житейской точки зрения случай тот настолько ничтожен, что любой здравомыслящий человек, отойдя, тут же бы и забыл о нём. Значит, она не здравомыслящая, что не может забыть. А Борис? Что он способен увидеть в этом заурядном случае? Но слово вырвалось – обратного пути нет.
Полина подтянула под себя ноги. Оперлась локтем на подушку:
– Не знаю, будет ли тебе интересно. История банальная… Захожу я как-то в универмаг, в канцелярский отдел. Зачем – уже и не помню сейчас: записная книжка, что ли, понадобилась…
Подхожу к кассе. А на прилавке коробочки – в одной карандаши, в другой стержни, ручки всякие. А впереди мальчонка стоит. Ну стоит себе и стоит – я на него и внимания не обратила даже. Лед одиннадцати-двенадцати мальчонка. Гляжу, а он руку тянет и – хвать! Ручку шариковую – знаешь, такие маленькие, без колпачка, двадцатикопеечные? – и в рукав!
– Ну и… – кресло под Борисом скрипнуло.
– Что ну? – усмехнулась невесело. – У так называемых порядочных людей, Боря, бывает этакое зазнайство. Очень уж кичатся они своей безупречной репутацией. Вот и во мне это свойство сработало в тот момент. Тихо так говорю, чтобы продавщица не услышала: положи на место.
– А он что? – Близко, видно, принял к сердцу, даже глаза сверкнули в потёмках.
– Вздрогнул, глянул на меня и швырнул ручку в коробку – к тем, остальным. И взгляд. Не могу я забыть этого взгляда, Боря. И ненависть в нём проглянула – как же иначе? – радость я у него отняла, пусть и копеечную, пусть ворованную, но радость ведь! И такая ещё, понимаешь, тоска смертная, такая обречённость, как будто я его жизни лишила… Да! Знаешь, – оборвала себя, – зажгу-ка я лампу. А то что-то совсем мрачно стало.
Светлый круг настольной лампы выхватил из темноты наклонившуюся вперёд фигуру мальчишки. Глаза в пол, и на лбу поперечная складка – задумался. Впервые с ним такое происходило – чтобы взрослый человек и вот так разговаривал с ним, мальчишкой!

– Ну и что? – спросил в свою очередь. – Что вы ещё могли тогда? Сделать вид, что ничего не заметили? Пусть себе ворует. Моя хата с краю?
– Нет, – вскинулась Полина Викторовна, – что ты! Это было бы ещё хуже. И не потому, что я побоялась бы стать пособницей. Я, знаешь, всё пытаюсь оправдать себя: мол, в ту минуту растерялась, не успела взвесить, обдумать. Но почему же мне не пришло в голову самое простое, самое элементарное – отдать продавцу эти несчастные двадцать копеек и сказать мальчишке: «Бери твою ручку, я за неё заплатила». Куда уж, кажется, проще!
– Ну, не зна-аю, – протянул с сомнением Борис и быстро, с прищуром, взглянул на Полину Викторовну.
– А если бы он не взял?
– Но, Боря… он УЖЕ взял!
– Как вы не поймёте? – горячится Борис. – Пусть он украл, но сам! Понимаете? САМ! Он рисковал. А вы… ну как вам объяснить? Ну это была бы просто подачка. Как милостыня. Но вы… вы… вы бы тогда не мучились, а думали умилительно: ах, какая я хорошая! Да-да! Точно так же, как сейчас думаете, что плохая…
И смотрит сердито, ни дать ни взять взъерошенный воробей на заборе. А у Полины от такого крутого виража даже голова закружилась. Вот они какие, нынешние мальчишки! Но что же ему ответить, вот загвоздка!
– А разве не важно, Боря, с каким чувством даёшь? Для чего даёшь?
– Вам, конечно, важно. А ему всё равно. Всё одно – подачка. А вы знаете, – голос зазвенел натужно, – что такое подачка? Каково её принимать? Зато тем, кто даёт, ах, как это приятно! Какие они собой довольные! И вы… вы тоже хотели для себя такого?
Да, прокурор! И голос не сразу обрела, чтобы ответить:
– Ты прав. Прости. Я и вправду думала больше о себе.
– Полина Викторовна! – впервые он назвал её по имени! – Почему… почему всё так трудно? Люди живут, умирают… бывают войны… есть беды, болезни… Они не зависят ни от меня, ни от вас – ни от кого из людей. Но я не о них. Как бы сказать, чтобы вы меня поняли? Но сами-то люди – вы только посмотрите кругом! – сколько они приносят горя друг другу! И ведь просто так… не из-за чего. Ну то есть, не совсем из-за ничего, а из-за каких-то там ничтожностей. Мелочей всяких. Почему? Почему эта женщина, Сыромятникова, не может жить, как все люди? Не хочет позаботиться о детях? И чтобы сыты были, и постели чистые? Зачем она пьёт? И… – Борису не хватило дыхания, – …и отец… Если он не любил маму, зачем женился? Да и ту, нынешнюю свою, он, по-моему, вовсе не любит. Я же вижу: он её боится.
Нет, вовсе не из-за желания ударить парня по больному месту и не ради того, чтобы позлорадничать, спросила она его о том же, о чём он только что мучительно вопрошал:
– А ты сам, как же, Боря?
Взметнулись вверх ресницы, глаза на пол-лица: не понял! Не понял, потому что никогда ещё не измерял своих поступков той же беспощадной мерой, с какой подходил к другим. Он судил тех, кто причинял боль ЕМУ, судить же самого себя он пока не умел. Но вот зарделись чуть тронутые пушком щёки, сникла кудрявая голова, и, когда он поднял лицо к Полине Викторовне, глаза его смотрели серьёзно и строго:
– Да, и я тоже… – Встал. – Я пошёл. Извините. Спасибо.
– А разве ты не хочешь что-нибудь взять почитать?
Неуверенно повёл плечами.
– Не знаю.
– Вот возьми для начала, – Полина Викторовна достала с полки синий продолговатый томик, бережно прикоснулась к переплёту. – Моя любимая. Грин.
– Грэм Грин? С английского? – блеснуло эрудицией дитя своего времени.

– Нет, Александр Степанович. С русского.
– А-а! «Алые паруса» – знаю. – И улыбнулся с чувством превосходства.
– Да! «Алые паруса», – она сочла нужным не заметить его снисходительной усмешки. – Но не только. Почитай – узнаешь.
– Ладно уж, – осчастливил согласием.
Перешагнув порог, остановился:
– Ладно, я вам скажу. Вам одной. Пусть там, в вашем общественном пункте, думают, что хотят. Я не оправдываюсь – виноват я с этой дурацкой ручкой. Но Серёжка… тот, кто прыгал, – он вовсе не из таких, как этот ваш парнишка из универмага. Или как те, которых мы видели в той квартире. У Серёжки всё есть. Только ему мало – жадюга такая! Пристал: давай меняться или продай. Не хватало ещё, чтобы я торговлей занялся! – Знакомая презрительная улыбка скользнула по губам. – Я и ляпнул первое, что в голову пришло – мы как раз у балкона стояли. Он был заколочен, но мы его уже открывали… курить ходили… Ну вот. Если спрыгнешь, говорю… Думал – отвяжется.
– Ты хоть ручку-то отдал ему? – засмеялась Полина Викторовна.
– Инна Фадеевна отобрала, как улику.
А что, если откровенность на откровенность? Не будет ли это предательством, если она тоже скажет ему правду, то, что его вовсе не ставили на учёт, а только сделали вид в воспитательных целях?
– Боря, я должна тебе сказать. Только ты пойми меня правильно. – Полина Викторовна придержала его за рукав. – Это касается нашего пункта.
– Не надо! – На мальчишеском лице обычное упрямое выражение. – Не надо мне никакой милости. И просить за меня не надо. Буду сполна платить свои долги.
(Окончание следует).

// Кузбасс, 1982, 25 августа, с. 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Кузбасс

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Газета издается с 1 января 1932 года. № 196 (17727). ЧЕТВЕРГ, 26 АВГУСТА 1982 года. Цена 2 коп.

Зинаида Чигарева

СЛЕД ДОБРА

III.

— Полина Викторовна! Вас тут спрашивают... — Анечка заглянула в дверь и, оборотившись, крикнула кому-то в коридоре: — Проходите, здесь она.

Вошла Петровская. Полина вскочила:

— Александра Матвеевна! Что случилось?

— Борис не ночевал дома. Меня вызывают в школу. Нет сил перенести...

— Что они вам сказали?

— Какой-то постыдный поступок. Оскорбил Инну Фадеевну.

Полина сдернула пальто с вешалки:

— Идемте!

Петровская замахала руками:

— Не могу. Просто не знаю, что там со мною будет.

— Хорошо. Ждите меня здесь.

Четвертая школа располагалась в типовом здании, поэтому Полине Викторовне не составило большого труда быстро отыскать кабинет директора. Навстречу ей из-за стола поднялся невысокий полный мужчина. Он смотрел на нее с выражением потерянности, как будто пытался что-то вспомнить, но это ему никак не удавалось. Ямщикова представилась, добавив, что мать Петровского нездорова и сама прийти не может. Болезненная гримаса проскользнула по лицу мужчины.

— Да, знаете ли, неприятная история. Инна Фадеевна подняла большой шум. Коллектив возмущен. Придется созвать педсовет. И это в самый канун экзаменов! — Директор был бесконечно удручен случившимся.

— Да, но что же все-таки произошло?

Без особого энтузиазма директор поведал ей, что после урока физкультуры четверо десятиклассников (Вы подумайте только — взрослые парни!) напялили поверх брюк красные спортивные трусы и в таком виде явились на урок Инны Фадеевны. Полине показалось, что ее собеседник повторяет чьи-то слова и даже интонации проскальзывают чужие. Она представила четверых великовозрастных оболтусов, у которых из-под пиджаков выглядывают красные полоски трусов, и не могла не улыбнуться:

— Озорство...

— Конечно, — оживился директор. — И я так считаю. И многие из нас. Но... — он сразу же сник, — делу дан очень серьезный ход. Есть предложение снизить годовые оценки по дисциплине и даже не допустить до экзаменов.

— Борис Петровский? Что — и он тоже вырядился подобным образом?

— В том-то и дело. Сам-то он не вырядился. Спровоцировал ребят — и в кусты. — И опять прорезались чужие интонации. — Где уж им было самим до такого додуматься! А Петровский — он из места классному руководителю.

«Нет, что-то тут явно не так, — думала Полина Викторовна. — Не тот характер, чтобы втихаря шкодить. Гордец этакий, да он никогда бы не снизошел до подобной пакости».

— Помилуйте! Это они так сказали?

— Кто они?

— Эти самые... в красных трусах? — и она засмеялась.

Директор улыбнулся тоже:

— Как же, скажут они!

— Но откуда же? — Полина вскочила, не скрывая удивления. — Откуда у вас эти сведения насчет Бориса Петровского?

— Как откуда? — директор удивился в свою очередь: неужели, мол, неясно? — Инна Фадеевна утверждает. Она доложила знать.

— И вы не усомнились?

— Боже мой! — директор вытащил платок и вытер потное лицо. — Да этот Петровский! Он же... он так оскорбил Инну Фадеевну! Ученику — и такое сказать в глаза учителю: «Вы — несправедливый и злой человек!».

Полина с недоумением смотрела на стоящего перед нею человека:

— Оскорбил? — покачала головой. — Да знаете ли, если ученики говорят такое учителю, тому надо немедленно уходить из школы.

Директор от этих слов пришел в неописуемое волнение, замахал руками:

— Что вы! Как можно! Инна Фадеевна — наш лучший педагог.

— Отсюда и все беды, — она наклонила голову. — Прощайте! — Но, открыв дверь, приостановилась: — Знаете что? Человек з, как видите, посторонний, но, честное слово... подумайте сами — какое же это оскорбление — злосчастные эти трусы? Ребячество, дурость натуральная! Ну как-нибудь их там, наверное, стоит поунять. Да пусть бы извинились на уроке перед Инной Фадеевной. А ей, между прочим, тоже следует извиниться.

— Перед кем же?

— Перед Борисом Петровским. Посоветуйте ей. Это лучший выход. Между прочим, к вашему сведению, Борис Петровский не ночевал дома. И никто не знает, где он сейчас, — нанес этот последний удар, она вышла.

Скоро двенадцать. И откуда она взяла, что он обязательно ей объявится, ежели родная мать о нем ничего не знает? Все! Надо ложиться спать!

Полина вытащила из тумбочки постель, собралась скинуть халат, как слабо звякнул звонок.

— Явился! — обессиленно привалилась к косяку.

Стоит Борька, цыплак длинноногий, взъерошенный, помятый, немытая физиономия мрачнее тучи. Полина затащила его в коридор, сунула в руки телефонную трубку:

— Звони, подлец, матери!

Буркнул в трубку:

— Мам, ты не волнуйся...

Сдернула с красавца куртку, затолкала в ванную:

— Мойся!

Вышел посвежевший, только глаза проваленные.

— Ночевал-то где?

— В аэропорту.

Ах ты, прохвост! Оттаскать бы тебя за твои красивые кудри! Печорин окаянный!

— Чай пей! Колбаса вот, хлеб — лопай. Ну, чего смотришь? Ешь, кому говорят!

Встала над ним, скрестила руки: ну, что, мол, скажете хорошенького, молодой человек?

А «молодой человек» поерзал в нерешительности и изрек:

— Дадите взаймы пятьдесят рублей?

Час от часу не легче! Хотя такого оборота и следовало ожидать при сложившихся обстоятельствах. Неурядицы в школе, дома — дуй на БАМ или в Антарктиду. Недавно нечто похожее демонстрировалось по телевидению. Вот Боренька и решил извлечь урок. Подтянула ногой табурет — села напротив:

— Зачем тебе — скажи на милость?

— Дадите или нет? — и глаза сузил, будто стрелять изготовился. — Ага! — и в тоне горькое торжество: так, мол, я и знал — все вы, взрослые, только на красивые словечки мастера, а если выручить друга — так на это вас не хватит! — Что, скажете: сейчас у вас денег нет? Или еще что? — Вскочил. Губы сложил в язвительно вежливую улыбку. Раскланивается издевательски: — Прощайте! Извините, что обеспокоил.

Полина — откуда сила взялась! — толкнула его с маху на табуретку, и молча вышла из кухни. Вчера она получила аванс — восемьдесят рублей. Деньги — не успела вынуть — так и лежали в сумке. Забрала сумку, вернулась на кухню, достала деньги, не торопясь, пересчитала, отделила пять розовых бумажек. И все это молча, не произнеся ни звука. Борис испуганно наблюдал за ее манипуляциями.

— Я... Вы... — начал было, но Полина не стала его слушать.

— Здесь ровно пятьдесят. Хватит? Или еще добавить?

— Хва... хватит... — прошептал обреченно. Не ждал он, признаться, такого оборота. Уставился потерянно на бумажки, лежащие на кухонном столе, потому как просьба была, пожалуй, не чем иным, как неосознанной провокацией.

— Что ж ты? Забирай.

— Я... я не знаю...

— Забирай-забирай! И катись на все четыре стороны! Куда ты там собрался?

Молчит, шалопай, размазывает пальцем по клеенке пролитый чай.

— Ну хоть скажи теперь: из-за чего весь сыр-бор?

— Не из-за чего.

— Ну, разумеется! Обидели мальчика понапрасну! Ах, как жалко себя, бедного!

— И вовсе не жалко. При чем тут жалко? — А у самого слезы на глазах. — Но почему... почему так? Как ИМ — так все можно: и клеветать, и оскорблять! Потому что они взрослые, учителя, да? А мне... мне даже правду сказать нельзя! Еще бы! Мальчишка! Ничтожество.

— Мальчишка — это точно, — согласилась Полина Викторовна. — Но зачем же ничтожество? Я, например, не считаю тебя ничтожеством.

— Но и же ей правду сказал! — чуть ли не бьет себя кулаком в грудь. — Она — несправедливый и злой человек. Разве не так?

— Эх ты, знаток человеческих душ! Инна Фадеевна — вовсе не злой, а просто больной и издерганный человек. И очень самолюбивый. Я думаю, вроде тебя. Мог бы и сам догадаться — не маленький.

— А чего она? — надул губы, как обиженный первоклашка. — А чего? Сама не видела, а орет: «Это он! Это его проделки! Он всегда назло мне...». Ха, назло? Я что, дурак, чтобы такое назло? — усмехается презрительно.

Да уж если б он решился на отместку, то наверняка придумал что-нибудь поумнее. И, разумеется, повнушительнее.

— Ох, Борька! — покачала головой — с тобой не заскучаешь!

— Ну я и сказал...

— Он сказал!

Удар этот, конечно, был куда чувствительнее для учительского самолюбия, чем пресловутые красные штаны. Вот у них и пошло-поехало! Цепная реакция... Снежный ком.

Снежный ком... Бесконечная спираль зла... Пока кто-то не догадается замкнуть круг, остановить зло на себе, не передавая его дальше. Об этом она только сегодня говорила с начальником детского приемника-распределителя Гвардейцевым. Вот и пригодилось. Но только молод еще Борька, вряд ли дойдет до него такая премудрость. А все-таки стоит попробовать.

— Да, товарищ дорогой! На удар ты ответил двойным ударом.

— Ответил. Ну и что?

— Молодец! Куда как достойно!

— А что мне оставалось делать?

— Да, безвыходное положение. Непременно надо было тогда каждый... — Борис сжал кулаки, готовый, кажется, всерьез драться за свое достоинство.

— Боря, — Полина дотронулась до его лежащей на столе руки. — Выслушай меня спокойно, Боря. И постарайся понять. Инна Фадеевна — ошиблась в своем ослеплении. А почему — ты не думал?

— Почему? Да она меня терпеть не может! Всегда придирается. Первый раз, что ли? Виноват — не виноват, а она орет: «Это Петровский! Это его проделки!». Везде Петровский. А я ничего не делал. Да я и не знал даже про эти трусы. Меня, если хотите знать, я на физкультуре-то не было.

— Правильно. Тебя не было. И ты ничего не делал. А если уж совсем честно, положа руку на сердце? Разве Инна Фадеевна не чувствовала на каждом уроке, не ощущала постоянно твою враждебность, твою готовность к удару? Знал бы ты, как оно изматывает человека, это вечное состояние войны! Вот и сорвалась женщина. Женщина, Борис! И если б ты не ответил ей в тот горячий момент дерзостью, смолчал бы с достоинством настоящего мужчины, то истина вскоре бы обнаружилась, и Инна Фадеевна поняла бы, что обидела тебя напрасно.

Зато теперь — из-за твоей дерзости — она считает себя обиженной, а следовательно, и правой. Вот такие-то дела, друг мой ситный! — не удержалась, провела рукой по его взлохмаченной шевелюре. Дернул головой, отстраняясь: еще, мол, чего, какие-то телячьи нежности!

— Эх, Борька! Все мы люди, не ангелы. Взрослые ли, дети, учителя, ученики. У каждого свои слабости, свои болевые точки. Все мы ошибаемся, все страдаем. А надо так мало — научиться понимать друг друга, чтобы не ранить больно, щадить. — Взглянула на часы. — Ого! Уже второй час доходит. Может, позвонишь маме — она наверняка не спит — и останешься у меня? Раскладушка найдется.

— Нет, пойду.

— Домой?

— А куда ж еще?

— Может, опять в аэропорт?

Улыбнулся, слава богу!

— А деньги, что же? А? Бери.

— Ладно. Не надо пока.

— Хорошо. Пусть лежат. Если надумаешь бежать — можешь забирать.

На площадке остановился, покрутил головой:

— Что-то я совсем запутался.

— Э, мой друг! Тяжкая это наука — жить с людьми.

Окончание. Начало в номерах за 24 и 25 августа.

// Кузбасс, 1982, 26 августа, с. 4 (текст см. на следующих слайдах. ОКОНЧАНИЕ)

Зинаида ЧИГАРЁВА

СЛЕД ДОБРА

III.

– Полина Викторовна! Вас тут спрашивают… – Анечка заглянула в дверь и, оборотившись, крикнула кому-то в коридоре: – проходите, здесь она.

Вошла Петровская. Полина вскочила:

– Александра Матвеевна! Что случилось?

– Борис не ночевал дома. Меня вызывают в школу. Нет сил перенести…

– Что они вам сказали?

– Какой-то постыдный поступок. Оскорбил Инну Фадеевну.

Полина сдёрнула пальто с вешалки:

– Идёмте!

Петровская замахала руками:

– Не могу. Просто не знаю, что там со мною будет.

– Хорошо. Ждите меня здесь.

Четвёртая школа располагалась в типовом здании, поэтому Полине Викторовне не составило большого труда отыскать кабинет директора. Навстречу ей из-за стола поднялся невысокий полный мужчина. Он смотрел на неё с выражением потерянности, как будто пытался что-то вспомнить, но это ему никак не удавалось. Ямщикова представилась, добавив, что мать Петровского не здорова и сама прийти не может. Болезненная гримаса проскользнула по лицу мужчины.

– Да, знаете ли, неприятная история. Инна Фадеевна подняла большой шум. Коллектив возмущён. Придётся созвать педсовет. И это в самый канун экзаменов! – Директор был бесконечно удручён случившимся.

– Да, но что же всё-таки произошло?

Без особого энтузиазма директор поведал ей, что после урока физкультуры четверо десятиклассников (Вы подумайте только – взрослые парни!) напялили поверх брюк красные спортивные трусы и в таком виде явились на урок Инны Фадеевны. Полине показалось, что её собеседник повторяет чьи-то слова и даже интонации проскальзывают чужие. Она представила четверых великовозрастных оболтусов, у которых из-под пиджаков выглядывают красные полоски трусов, и не могла не улыбнуться…

– Озорство…

– Конечно, – оживился директор. – И я так считаю. И многие из нас. Но… – он сразу же сник, – делу дан очень серьёзный ход. Есть предложение снизить годовые оценки по дисциплине и даже не допустить до экзаменов.

– Борис Петровский? Что – и он тоже нарядился подобным образом?

– В том-то и дело. Сам-то он не вырядился. Спровоцировал ребят – и в кусты. – И опять прорезались чужие интонации. – Где уж им было самим до такого додуматься! А Петровский – он из мести классному руководителю.

«Нет, что-то тут явно не так, – думала Полина Викторовна. – Не тот характер, чтобы втихаря шкодить. Гордец этакий, да он никогда бы не снизошёл до подобной пакости».

– Помилуйте! Это они так сказали?

– Кто они?

– Эти самые… в красных трусах? – и она засмеялась.

Директор улыбнулся тоже:

– Как же, скажут они!

– Но откуда же? – Полина вскочила, не скрывая удивления. – Откуда у вас эти сведения насчёт

Бориса Петровского?
– Как откуда? – директор удивился в свою очередь: неужели, мол, неясно? – Инна Фадеевна утверждает. Она должна знать.
– И вы не усомнились?
– Боже мой! – директор вытащил платок и вытер потное лицо. – Да этот Петровский! Он же… он так оскорбил Инну Фадеевну! Ученику – и такое сказать в глаза учителю: «Вы – несправедливый и злой человек!».
Полина с недоумением смотрела на стоящего перед нею человека:
– Оскорбил? – покачала головой. – Да знаете ли, если ученики говорят такое учителю, тому надо немедленно уходить из школы.
Директор от этих слов пришёл в неописуемое волнение, замахал руками:
– Что вы! Как можно! Инна Фадеевна – наш лучший педагог.
– Отсюда и все беды, – она наклонила голову. – Прощайте! – Но открыв дверь, приостановилась: – Знаете что? Человек я, как видите, посторонний, но честное слово… подумайте сами – какое же оскорбление – злосчастные трусы? Ребячество, дурость натуральная! Ну как-нибудь их там, наверное, стоит поунять. Да пусть бы извинились на уроке перед Инной Фадеевной. А ей, между прочим, тоже следует извиниться.
– Перед кем же?
– Перед Борисом Петровским. Посоветуйте ей. Это лучший выход. Между прочим, к вашему сведению, Борис Петровский не ночевал дома. И никто не знает, где он сейчас, – нанеся этот последний удар, она вышла.
Скоро двенадцать. И откуда она взяла, что он обязательно ей объявится, ежели родная мать о нём ничего не знает? Всё! Надо ложиться спать!
Полина вытащила из тумбочки постель, собралась скинуть халат, как слабо звякнул звонок.
– Явился! – обессиленно привалилась к косяку.
Стоит Борька, цыплак длинноногий взъерошенный, помятый, немытая физиономия мрачнее тучи. Полина затащила его в коридор, сунула в руки телефонную трубку:
– Звони, подлец, матери!
Буркнул в трубку:
– Мам, ты не волнуйся…
Сдёрнула с красавца куртку, затолкала в ванную:
– Мойся!
Вышел посвежевший, только глаза проваленные.
– Ночевал-то где?
– В аэропорту.
Ах ты, прохвост! Оттаскать бы тебя за твои красивые кудри! Печорин окаянный!
– Чай пей! Колбаса вот, хлеб – лопай. Ну, чего смотришь? Ешь, кому говорят!
Встала над ним, скрестила руки: ну, что, мол, скажете хорошенького, молодой человек?
А «молодой человек» поёрзал в нерешительности и изрёк:
– Дадите взаймы пятьдесят рублей?
Час от часу не легче! Хотя такого оборота и следовало ожидать при сложившихся обстоятельствах. Неурядицы в школе, дома – дуй на БАМ или в Антарктиду. Недавно нечто похожее демонстрировали по телевидению. Вот Боренька и решил извлечь урок. Подтянула ногой табурет – села напротив:
– Зачем тебе, скажи на милость?
– Дадите или нет? – и глаза сузил, будто стрелять изготовился. – Ага! – и в тоне горькое торжество: так, мол, я и знал – все вы, взрослые, только на красивые словечки мастера, а если выручить друга – так на это вас не хватит! – Что, скажете: сейчас у вас денег нет? Или ещё что? – Вскочил.

Губы сложил в язвительно вежливую улыбку. Раскланивается издевательски: – Прощайте! Извините, что обеспокоил.
Полина – откуда сила взялась! – толкнула его с маху на табуретку, и молча вышла из кухни. Вчера она получила аванс – восемьдесят рублей. Деньги – не успела вынуть – так и лежали в сумке. Забрала сумку, вернулась на кухню, достала деньги, не торопясь, пересчитала, отделила пять розовых бумажек. И всё это молча, не произнеся ни звука. Борис испуганно наблюдал за её манипуляциями.
– Я… Вы… – начал было, но Полина не стала его слушать.
– Здесь ровно пятьдесят. Хватит? Или ещё добавить?
– Хва… хватит… – прошептал обречённо. Не ждал он, признаться, такого оборота. Уставился потерянно на бумажки, лежащие на кухонном столе, потому как просьба была, пожалуй, не чем иным, как неосознанной провокацией.
– Что ж ты? Забирай.
– Я… я не знаю…
– Забирай-забирай! И катись на все четыре стороны! Куда ты там собрался?
Молчит, шалопай, размазывает пальцем по клеёнке пролитый чай.
– Ну хоть скажи теперь: из-за чего весь сыр-бор?
– Не из-за чего.
– Ну, разумеется! Обидели мальчика понапрасну! Ах, как жалко себя, бедного!
– И вовсе не жалко. При чём тут жалко? – А у самого слёзы на глазах. – Но почему… почему так? Как ИМ – так всё можно: и клеветать, и оскорблять! Потому что они взрослые, учителя, да? А мне… мне даже правду сказать нельзя! Ещё бы! Мальчишка! Ничтожество.
– Мальчишка – это точно, – согласилась Полина Викторовна. – Но зачем же ничтожество? Я, например, не считаю тебя ничтожеством.
– Но я же ей правду сказал! – чуть ли не бьёт себя кулаком в грудь. – Она – несправедливый и злой человек. Разве не так?
– Эх ты, знаток человеческих душ! Инна Фадеевна – вовсе не злой, а просто больной и издёрганный человек. И очень самолюбивый. Я думаю, вроде тебя. Мог бы и сам догадаться – не маленький.
– А чего она? – надул губы, как обиженный первоклашка. – А чего? Сама не видела, а орёт: «Это он! Это его проделки! Он всегда назло мне…». Ха, назло? Я что, дурак, чтобы такое назло? – усмехается презрительно.
Да уж если бы он решился на отместку, то наверняка придумал что-нибудь поумнее. И, разумеется, повнушительнее.
– Ох, Борька! – покачала головой – с тобой не заскучаешь!
– Ну я и сказал…
– Он сказал!
Удар этот, конечно, был куда чувствительнее для учительского самолюбия, чем пресловутые красные штаны. Вот у них и пошло-поехало! Цепная реакция… Снежный ком.
Снежный ком… Бесконечная спираль зла… Пока кто-то не догадается замкнуть круг, остановить зло на себе, не передавая его дальше. Об этом она только сегодня говорила с начальником детского приёмника-распределителя Гвардейцевым. Вот и пригодилось. Но только молод ещё Борька, вряд ли дойдёт до него такая премудрость. А всё-таки стоит попробовать.
– Да, товарищ дорогой! На удар ты ответил двойным ударом.
– Ответил. Ну и что?
– Молодец! Куда как достойно!
– А что мне оставалось делать?
– Да, безвыходное положение. Непременно надо было лезть в драку. А чтобы набраться мужества и промолчать – до этого он не мог додуматься?

– Мужества? Да это ж… трусость!
Как они, однако, молодые, боятся, что их обвинят в трусости! И из-за этого способны на любые безрассудства.
– Нет, Боря. Иногда, чтобы смолчать, нужно больше мужества и силы, чем ответить дерзостью.
Молчит, смотрит на неё воспалёнными глазами.
– Видишь ли, Борис, чтобы остановить зло, чтобы оно не росло, как снежный ком, замкнуть обиду на себе, не передавая обидчику, – это куда труднее. И благороднее. А ты не обижай! Не возвращай обидчику зла.
– Ага! Меня – так значит можно унизить?
– А ты не унижай!
– Ишь вы как? Да меня тогда каждый… – Борис сжал кулаки, готовый, кажется, всерьёз драться за своё достоинство.
– Боря, – Полина дотронулась до его лежащей на столе руки. – Выслушай меня спокойно, Боря. И постарайся понять. Инна Фадеевна – ошиблась в своём ослеплении. А почему – ты не думал?
– Почему? Да она меня терпеть не может. Всегда придирается. Первый раз, что ли? Виноват – не виноват, а она орёт: «Это Петровский! Это его проделки!». Везде Петровский. А я ничего не делал. Да я и не знал даже про эти трусы. Меня, если хотите знать, и на физкультуре-то не было.
– Правильно. Тебя не было. И ты ничего не делал. А если уж совсем честно, положа руку на сердце? Разве Инна Фадеевна не чувствовала на каждом уроке, не ощущала постоянно твою враждебность, твою готовность к удару? Знал бы ты, как оно выматывает человека, это вечное состояние войны! Вот и сорвалась женщина. Женщина, Борис! И если б ты не ответил ей в тот горячий момент, смолчал бы с достоинством настоящего мужчины, то истина вскоре бы обнаружилась, и Инна Фадеевна поняла бы, что обидела тебя напрасно.
Зато теперь – из-за твоей дерзости – она считает себя обиженной, а следовательно, и правой. Вот такие-то дела, друг мой ситный! – не удержалась, провела рукой по его взлохмаченной шевелюре. Дёрнул головой, отстраняясь: ещё мол, чего, какие-то телячьи нежности!
– Эх, Борька! Все мы люди, не ангелы. Взрослые ли, дети, учителя, ученики. У каждого свои слабости, свои болевые точки. Все мы ошибаемся, все страдаем. А надо так мало – научиться понимать друг друга, чтобы не ранить больно, щадить. – Взглянула на часы. – Ого! Уже второй час доходит. Может, позвонишь маме – она наверняка не спит – и останешься у меня? Раскладушка найдётся.
– Нет, пойду.
– Домой!
– А куда ж ещё?
– Может, опять в аэропорт?
Улыбнулся, слава богу!
– А деньги что же? А? Бери.
– Ладно. Не надо пока.
– Хорошо. Пусть лежат. Если надумаешь бежать – можешь забирать.
На площадке остановился, покрутил головой:
– Что-то я совсем запутался.
– Э, мой друг! Тяжкая это наука – жить с людьми.

_____

Окончание. Начало в номерах за 24 и 25 августа.

// Кузбасс, 1982, 26 августа, с. 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Кузбасс

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Газета издается с 7 января 1922 года.
№ 228 (18058).
Воскресенье,
2 ОКТЯБРЯ 1983 года.
Цена 2 коп.

В НОМЕРЕ

✦ Кузбассовцы одобряют миролюбивую политику Страны Советов. 1 стр.
✦ Земной поклон тебе, учитель! 1, 2 стр.
✦ Международное обозрение. 3 стр.
✦ Новая книга З. Чигаревой. 4 стр.

Издано в Кемерове

«СЛЕД ДОБРА»

Так называется только что вышедшая книга кузбасской писательницы Зинаиды Чигаревой. В сборник вошли повести «Не спугни птицу», «След добра» и рассказы «Праздник Маши Красильниковой», «Концерт для скрипки с оркестром», «Девчонка на берегу», «Золотые холмы детства».

Становление Зинаиды Чигаревой как писательницы произошло в Кузбассе, куда она по окончании Ленинградского университета в 1952 году была направлена на работу. Работа учителя-словесника, а потом журналиста в редакции «Шахтерской правды», на Кемеровской студии телевидения и в Кемеровском книжном издательстве дала З. Чигаревой много разнообразных жизненных впечатлений. Начала она как драматург, а потом перешла на прозу. Тринадцать лет назад, в 1970 году, вышла первая книга Зинаиды Чигаревой — сборник рассказов «Золотые холмы детства». А потом были другие книги.

И вот в свет выходит новый сборник. Сложно, трудно писалась его заглавная повесть «След добра», уж больно горяч был материал. Не выдуманный, живой. Писательница на общественных началах работала в детской комнате милиции. Сколько тяжелых, а подчас трагических детских судеб прошло перед нею! Этих детей называют педагогически запущенными. Они обжигали сердце. Как писать о таком?

Героиня повести Полина Ямщикова почувствовала сердцем свою причастность к этим судьбам и свою ответственность за них. Она нашла призвание в работе с «трудными» детьми.

Писательница любит и умеет создавать женские образы. Ее женщины душевны, умны, оптимистичны. Они часто несчастливы, но не бывают несчастненькими.

Ее героини естественны, но не бывают ущемленными. Их жизнь простая, обычная, поучительна в лучшем, положительном смысле этого слова.

Критики еще скажут свое слово о книге. А мне, ее редактору, хочется верить, что она не оставит читателей равнодушными.

Л. ГЛЕБОВА,
редактор книги.

г. Кемерово.

// Кузбасс, 1983, 2 октября, с. 4.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КУЗБАСС

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

Газета издается с 7 января 1922 года
№ 238 (18068)
СУББОТА, 15 ОКТЯБРЯ 1983 года.
Цена 3 коп.

В НОМЕРЕ

✦ Товарам народного потребления — высокое качество. 1 стр.
✦ Герои Социалистического Труда из совхоза «Заря». 1—4 стр.
✦ Дела и проблемы углеобогатителей. 2 стр.
✦ Творчество кузбасской писательницы З. Чигаревой. 4 стр.

Штрихи к творческому портрету

СВЕТ ДОБРА

Сложными путями переплетаются жизнь писателя и его произведения. Иногда строки биографии прямо переходят на страницы книг, иногда лишь точечными бликами просвечивают там какие-то отдельные эпизоды жизни, смутно угадываются повороты судьбы, неузнаваемо преображенные творческой фантазией. Но всегда живут в книгах мысли, чувства, душа их автора.

В новой повести Зинаиды Александровны Чигаревой «След добра», вышедшей в свет совсем недавно в Кемеровском книжном издательстве, сошлись в одном узелке сюжета несколько этапов жизненной истории автора. Школа, редакция газеты, опорный пункт охраны правопорядка — в разные годы, с различной протяженностью во времени жила их жизнью, их сложными, острыми проблемами З. А. Чигарева — вначале молодая учительница, затем журналист, писатель, коммунист. И хотя биография журналистки Полины Ямщиковой даже приблизительно не похожа на биографию Зинаиды Чигаревой, мысли и чувства главной героини повести «След добра» и ее автора подлинно родственны.

Для прозы Чигаревой вообще очень характерно глубокое личностное начало, тесное слияние авторского «я» с мировосприятием одного из героев (чаще — героинь) ее произведений. Именно ей, человеку и писателю, принадлежат лирически восторженное открытие мира Юлькой из «Золотых холмов детства», материнские страхи и волнения Жени из повести «Не спугни птицу», внимательно-сочувственный взгляд Маши Красильниковой, откликающейся на горести постороннего, совсем чужого для нее человека, и нелегкие раздумья о юном поколении немолодой героини рассказа «Терра инкогнито» («Земля неизвестная»). Ее душой, ее тревогой, ее болью и убеждениями движимы и герои новой повести — Полина Ямщикова, Святослав Андреевич Гвардейцев, лейтенант милиции Карпова, опытный директор школы Нина Семеновна и молоденькая учительница Оксана Дмитриевна.

Чтобы не прерывалась связь времен, чтобы взрослые и дети всегда понимали друг друга, чтобы не было в обиходе таких понятий, как «запущенные», «трудновоспитуемые» и, главное, «несчастные», «лишенные детства» дети, ради этого с большей или меньшей отдачей, с разной степенью успеха и оптимизма трудятся герои повести.

Как появилась столь острая социальная тема в творчестве писательницы, которую раньше привлекали чаще всего истории камерные, с приглушенными конфликтами нравственно-психологического характера?

Вначале были какие-то отдельные факты, запомнившиеся надолго эпизоды, больно ранящие сердце. Их было много: ведь жизнь всегда охотно открывает драматические свои стороны тому, кто способен к сочувствию, к сопереживанию. Два эпизода нашли почти прямое отражение в повести.

Как-то полтора десятка лет тому назад в школе на родительском собрании Зинаида Александровна услышала от учительницы историю о двух первоклассниках, братьях-погодках, которые ночевали на цементном полу в туалете, пока их изрядно пьющая мамаша принимала очередного сожителя в своей комнате.

Многие годы гвоздем в ее памяти сидел также случай с мальчиком, стащившим тридцатикопеечную ручку в магазине. Она сама остановила его тогда, заставила ручку вернуть и прочитала нотацию, а потом на годы запомнила недетский, горестный взгляд и мучилась от мысли, что не сумела как-то тактично подарить ему эту мелочь, в которой он, видимо, так нуждался.

Но самым прямым поводом заняться проблемами «трудных» детей и трудного детства было общественное поручение, общественная «нагрузка», как принято у нас говорить. Правда, «нагрузка», взятая на себя вполне добровольно.

Позвонили как-то из райкома партии в книжное издательство, где Зинаида Александровна в то время работала главным редактором, и попросили прислать кого-нибудь для дежурства в общественном пункте охраны порядка. Пошла сама, сама выбрала секцию работы с «трудновоспитуемыми».

Около трех лет почти еженедельно член Союза писателей СССР Зинаида Чигарева дежурила в общественном пункте, вела прием, встречалась с десятками детей и подростков, беседовала с родителями и учителями, участвовала в рейдах. За это время прошли перед ней множество сложных и драматичных судеб, вереницы разнообразных характеров.

Долго складывалась, но сравнительно быстро была написана повесть «След добра». Но едва закончив ее, З. А. Чигарева уже видела, что пока задела лишь краешек темы, что безмерно велик и требует дальнейшего осмысления материал о воспитании и воспитателях, об учителях и родителях, о детях — трудных и обыкновенных (только есть ли, бывают ли они — обыкновенные-то?).

Есть в повести «След добра» раздумья о путях уничтожения зла, приносящего людям горе и страдания. Это зло — эгоизм и черствость, жестокость, душевная скудость. И один из наиболее симпатичных автору героев — Святослав Андреевич Гвардейцев, человек, активно борющийся за детские судьбы,— говорит, что уничтожить зло можно лишь добром.

Во многих конкретных случаях принцип этот оправдывается, но верно ли слишком расширительное его применение? Не взращивают ли бесконечная, беспредельная доброта и самоотверженность старших эгоизм и равнодушие у молодых?

Раздумья этого плана звучат в повести очень сдержанно, но материала для дальнейшего осмысления этой темы у писательницы уже очень много.

Когда выпускница филологического факультета Ленинградского государственного университета Зинаида Радина выбрала местом своей работы далекий шахтерский Прокопьевск, она всерьез решила стать сибирячкой. Но вряд ли предполагала она, что и жизненная, и творческая судьба счастливо и прочно привяжут ее именно к Кузнецкой земле.

Год учительства в школе, потом почти восемь лет суматошной, трудной и интересной журналистской работы в редакции городской газеты «Шахтерская правда», затем студия телевидения. Кемеровское книжное издательство, где Зинаида Александровна Чигарева более двенадцати лет была главным редактором. Так прошли три десятка лет, и подошел период, когда человек начинает подводить какие-то итоги сделанного.

Какие же они, итоги? Есть книги прозы «Золотые холмы детства» (1970 г.), «Свет мой ясный» (1978 г.), повесть для детей «Осторожно, сказка!». Пьеса «Шахтерская поэма» была опубликована в столичных сборниках «Современная драматургия» и «Труд—владыка мира». Ее видели зрители ряда театров. На Кемеровской студии телевидения был поставлен телеспектакль «Аллея Славы» по пьесе З. А. Чигаревой «Днем звезд не видно», а на Центральном телевидении — по пьесе «Пока не придет разводящий». (Кстати, в Союз писателей СССР З. А. Чигарева была принята в 1966 году как драматург). И вот вышла книга «След добра», ее только-только начинают читать и обсуждать.

Так что предварительные итоги есть, и они отрадны. А впереди новые замыслы — отдаленные и близкие, есть определенные творческие планы, и пусть сбываются они.

Н. ЗАХАРЧУК.

г. Кемерово.

// Кузбасс, 1983, 15 октября, с. 4.

Орган Кемеровского обкома КПСС и областного Совета народных депутатов

КУЗБАСС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Газета выходит с 7 января 1922 года.

271 (19601).
ВОСКРЕСЕНЬЕ,
27 ноября 1988 г.

Цена 3 коп.

ВОСКРЕСНЫЙ ВЫПУСК

● Уголь в обмен на японские блага. «Временно» или навсегда! — 2 стр.

● Покорение Томи продолжается. Самыми варварскими методами... — 4–5 стр.

культура

из будущей книги

Недавно коллеги, представители общественных организаций области, читатели поздравили с юбилейной датой кузбасскую писательницу Зинаиду Александровну Чигарэву. Даже с двумя круглыми датами. Юбилейный день жизни почти совпал с тридцатилетием со дня рождения... первой пьесы писательницы. Публицистическую драму «Шахтерская поэма» в те годы показал зрителям Прокопьевский драматический театр им. Ленинского комсомола.

Счастливо и одновременно неудачно сложилась творческая судьба Чигаревой-драматурга. Увы, но на профессиональных сценах Кузбасса с той поры ее произведения больше не появлялись. Хотя именно как драматург Зинаида Чигарева была принята в Союз писателей СССР, герои ее пьес оживали на экране в постановках Центрального и Кемеровского телевидения. А наши театры, предпочитая иметь дело с «варягами», в конце концов буквально вынудили писательницу изменить своей творческой привязанности.

И вот одна за другой выходят в Кемеровском книжном издательстве книги Зинаиды Чигаревой. Рассказы, повести, современные сказки, адресованные подрастающему поколению. Публицистическая заостренность, точно увиденные характеры, драматургическая завершенность сюжета привлекают читателей к произведениям Чигаревой на протяжении двух последних десятилетий.

Накануне своего юбилея Зинаида Александровна завершила работу над книгой «Горький привкус осени», рассказ из которой мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

Зинаида Чигарева

Играем в Юлию Павловну

Очаровательны наши дети. Идешь мимо и как бы ни спешил, пусть даже в булочную, которая закроется через пять минут, а невольно остановишься, залюбуешься...

Разыскали ведь местечко — среди новых высотных домов, гаражей, траншей и нагромождения глины маленький островок зелени с ярко-желтыми, как солнечные зайчики, одуванчиками. Расстелили старое одеяло, на кирпичах построили дощечку, накрыли цветным лоскутком. Чем не праздничный стол! Одна из девчонок — их тут трое — сосредоточенно хлопочет над салатом из одуванчиков. Две другие, напевая «На недельку до второго я уеду в Комарово...», пританцовывают тут же.

Как они, однако, милы, эти вострушки! Милы всегда, если даже личико вполне заурядно. Но одна из них само совершенство. И облачено оно к тому ж в очаровательный, легкий, как весеннее облачко, розовый свитерок (где только такие продаются?) и новенькие с иголочки джинсики со всякими наклейками и заклепками. Ее подружка — черненькая, цыганистая, щеголяет в маминых туфлях на высоких, сбитых набок каблуках. «Хозяйством» занимается не менее приятная, хотя и не столь пикантная особа.

А вот на мальчонку сразу и не обратишь внимания. Торчит скромненько в сторонке, не насмелясь примкнуть к обществу. Дробненький, худосочный, возможно, и ровесник подружкам, да росточком не вышел будущий мужчина.

Компания столь живописна и празднична на молодой июньской травке, что напоминает переводную картинку, с которой только что смыли серый бумажный слой, и она засверкала всеми радужными красками. Правда, сверканье это недолговечно — подсохнет картинка и потускнеет. Но то переводная картинка, а тут — живая натура. Стой и любуйся.

Да, наблюдать за детьми — большое удовольствие. И послушать их милый лепет тоже не менее приятное занятие. Но как его подслушать? Наверняка спугнешь своим присутствием. Есть только одно средство — стать невидимкой. А что? Стоит попробовать, может, что и получится. Зато услышишь весьма любопытные откровения.

— Давайте играть в Юлию Павловну, — заявили Джинсики.

— Кто такая? — изображая некое карикатурное подобие брейка, спросили Мамины Туфли.

— Она такая... Она все может. Мама говорит, что она даже птичье молоко достанет.

Будущий Мужчина чуть-чуть продвинулся вперед, вроде бы и не переступая, а так — сам собой. Клетчатая Кофточка меж тем уложила на игрушечную тарелочку головки одуванчиков, сверху воткнула пучок травинок и откинулась назад, любуясь произведением своих рук. Хозяйственная, деловитая, она как будто и не вникала в болтовню подружек.

— А зачем доставать птичье молоко? — полюбопытствовали Мамины Туфли.

— Ну, здрасьте! — Джинсики определенно подражали чьей-то взрослой интонации. — Как ты не понимаешь? Это только так говорят «достать птичье молоко», а это значит, — все достать, все-все на свете, все, что захочется.

— И самолет? — не утерпел Будущий Мужчина.

Джинсики нахмурили свои тоненькие бровки, раздумывая, стоит ли облагодетельствовать своим драгоценным вниманием столь ничтожную личность, но тщеславие подсказало ответ:

— И самолет! И даже эти... сапожки на липучках. Эль-ля!

Однако это только кажется, что Клетчатая Кофточка ничем не интересуется, кроме своих «салатов»:

— А как играть в Юлию Павловну?

— Я буду Юлия Павловна, — категорично заявили Джинсики. — Я прихожу к вам и говорю: «Здрасьте! Опять вы, милочка, не в форме! Ну кто носит сейчас такие платья? Это же колхозное!».

— И ничего не колхозное, — обиделась Клетчатая Кофточка. — У меня хорошее платье.

Мамины Туфли меж тем подобрали разбросанные в разные стороны мамины туфли (да простится мне этот неуклюжий каламбур), всунули в них свои тоненькие ножки и заявили с гордостью:

— Подумаешь, платье! А мне мама может принести с работы мешок конфет. Самых шоколадных! Вот!

— Мешок? — усомнились Джинсики.

— Ага!

Клетчатая Кофточка вздохнула над своими увядающими одуванчиками:

— Что-то конфетки хочется. Дашь, когда принесет?

— Не-а. Не дам.

— Жадина!

Мамины Туфли даже не обиделись. Просто констатировали жизненный факт:

— Никакая не жадина. Она же МНЕ принесет, а не тебе.

Джинсикам не понравилось, что в центре внимания оказалась ее подруга, она скроила презрительную мину:

— Юлия Павловна говорит, что детям много конфет есть вредно.

Поскольку в этой компании каждый самоутверждался в меру своих сил, Будущий Мужчина рискнул перехватить инициативу:

— А у меня ножик есть.

— Фи!

— Подумаешь!

— Нашел чем хвалиться...

Ясно, девчонки! Что с них взять! Что они в ножиках понимают!

— Вот у меня что-то есть... — загадочно улыбнулись Джинсики.

— Что? — подскочили Мамины Туфли.

— Сережки. Из золота. С таким маленьким красным камешком. Мне скоро уши проколют. Эль-ля!

— Ой! — испугалась Клетчатая Кофточка. — Это ж очень больно. Я не хочу, чтобы мне кололи.

— И ничего не больно. Зуб лечить больнее. Зато золото настоящее. Юлия Павловна говорит: оно всегда в цене.

— А что такое «в цене»?

— Всегда продать можно, — гордо вздернули очаровательный носик Джинсики.

Да, разумеется, это серьезный повод для особой гордости, если ты обладаешь предметом, который можно продать. Тут даже Мамины Туфли совсем сникли со своим мешком конфет. Только Будущему Мужчине неймется:

— А у меня часы есть!

Часы — это уже интересно. Это нечто вещественное, хотя им и далеко до золота.

— Покажи!

— Они дома.

— А-а! — всеобщее разочарование. — Все врешь.

— Не вру. Папа купил себе новые... такие, без стрелок. Там время электричеством пишется. А старые — они еще совсем новые — он спрятал и сказал: вот пойдешь в школу...

— Ой, не могу! — хохочут очаровательницы. — Ты? В школу? Малявка!

Джинсики свысока оглядели мальчишку, фыркнули презрительно:

— В школу... Я и то через год пойду. А ты совсем маленький.

— И ничего не маленький. Я тоже через год. Это лето пройдет... и еще лето... — пытается защитить свое достоинство Будущий Мужчина. Но его уже никто не слушает.

— А мне мама сапожки купила. Сказала: к зиме. Хорошенькие. Вот тут красненькое, а вот тут синенькое... — тоже решила похвастаться Клетчатая Кофточка.

— Заграничные? — нашли необходимым уточнить столь важную деталь Джинсики.

— Заграничные!

— Врешь. Заграничные просто так не купишь. Им... импорт потому что. Так Юлия Павловна говорит. Заграничные доставать надо.

— Нет, купишь! — Кофточке тоже хочется иметь что-нибудь заграничное. — Мама вот купила. Получила аванс и купила. Да! В «Детском мире»!

— В «Детском мире»? Вот и врешь. Там все колхозное!

— Колхозное, да! — угодливо поддакнули Мамины Туфли.

— Сами вы колхозные! Воображалы! Я с вами не играю!

— Подумаешь!

— Вот уйду и посуду заберу... И одеяло!

— Ну и уходи!

— Не нуждаемся!

— А у меня что есть! — опять вмешался Будущий Мужчина.

— Ну что еще? — досадливо поморщились Джинсики: вот, мол, пристал, надоело!

— Не скажу!

— Ну и не надо!

— А я не скажу.

— Ну и не надо.

— Не скажу... — надул губы мальчишка, однако не выдержал. — А у меня братик есть. Ма-аленький. Вот.

— Братик? — это нечто новое даже для умудренных жизненным опытом Джинсиков. — Живой? Всамделишный?

— Ага! — радуется Будущий Мужчина: наконец-то, добился внимания к своей скромной персоне.

— А что он делает?

— Много чего! Ручками машет, глазками смотрит. И плакать умеет. Только я не люблю, когда он плачет.

— Дашь поиграть?

— Не знаю. Ему больно будет.

— Ну да-ай!

— Не а!

— Слушай, — осенило Мамины Туфли. — Дай на немножко, а я тебе конфет принесу...

— А я тебе машину свою педальную дам покататься, — подключились Джинсики.

— Принесешь?

— Н-не знаю, — колеблется Будущий Мужчина. — Если на немножко... Только и вы идите несите — и конфеты, и машину. А так не дам! Понятно?

— Маленькими не играют, — резонно заметила Клетчатая Кофточка. — Их ушибить можно. И мама не даст.

— А он потихонечку, чтоб мама не видела, — приплясывают довольные Мамины Туфли.

— Только не надо ему делать больно. Ладно?

— Ладно! — небрежно махнули рукой Джинсики. — Беги, неси!

Будущий Мужчина со всех ног помчался к соседнему подъезду.

Бог ты мой! В булочную опоздала... А теперь еще стой карауль: вынесет этот дурачок своего братишку в обмен на конфеты или что-нибудь ему помешает...

Допустим, сегодня не вынесет. А завтра?

Как же нам быть, люди добрые?

Как нам быть?..

// Кузбасс, 1988, 27 ноября, с. 6.

111 (22145)
23 ИЮНЯ 1998 г., ВТОРНИК
Розничная цена 1 руб.

ОБЛАСТНАЯ МАССОВАЯ ГАЗЕТА
Кузбасс
Издается с 7 января 1922 года.

секрет фамилии

Писатели земли Кузнецкой

Невелико число писателей, проживающих в Кузбассе. Большинство из них родилось за пределами региона и прибыло сюда в детстве, юности и в зрелые годы.

При анализе значения фамилий наших прозаиков, поэтов, критиков выясняется главное: кем были их отдаленные предки, крепостными или свободными, русскими или «инородцами». Некоторые фамилии свидетельствуют о территории проживания пращуров, другие подсказывают принадлежность предков к определенным религиозным конфессиям, профессиям, сословиям, социальным группам и т.д.

Наиболее значительным по численности является ряд писательских фамилий славянского происхождения. Все они образованы от древних языческих прозвищ, называемых еще и некалендарными личными именами. Как правило, древние носители восточно-славянских некалендарных имен не приняли христианства ни в 10-м, ни даже в 15-м веке. Они уходили в леса, северную тундру, подальше от тогдашних городов, и потому их имена сохранились в составе фамилий и дошли до нашего времени.

Баянов В. М. Известный поэт, член Союза писателей России. Коренной кузбассовец. Живет в городе Кемерово.

Возможны такие толкования фамилии поэта: 1. в основе фамилии лежит древнеславянское личное имя Боян (Баян) — «певец, поэт»; 2. фамилия образована от южно-славянского (болгарского) личного имени Боян «бесстрашный, тот, кого должны бояться другие»; 3. фамилия возникла от тюркско-монгольского личного имени Баян (из нарицательного баян — «богатый»). Переносное значение этого восточного имени — «способный, одаренный, талантливый»; 4. еще в 17-м веке на территории современного Кемеровского района, на берегах Томи, проживало тюркское племя псд названием баян. Не исключено, что этноним со временем превратился в личное имя, а затем и в фамилию. Тем более, что небольшой народец баянов уже в 18-м веке обрусел полностью, оставив после себя некоторые географические имена (Кемерово, Елыкаево и другие).

Буравлев Е. С. Известный поэт. Уроженец Калужской области. Член Союза писателей СССР. Жил в Кемерове, где и похоронен.

В основе фамилии лежит древнерусское личное имя Буравль (вариант Буравел), из нарицательного буравль — «сверло, бурав». Переносное значение имени-прозвища — «человек настойчивый, с целеустремленным характером, твердый в убеждениях и вере». Таким, видимо, был пращур поэта.

Киселев И.М. Поэт. Жил и похоронен в Кемерове. Фамилия образована от древнерусского личного некалендарного имени Кисель. Имя означало «вялый, хилый». Давая такое прозвище сыну, родители были уверены, что ребенка с таким именем «злые духи» в свое темное царство не возьмут. Имя Кисель относилось к ряду имен-оберегов. В 15-17-м веках с таким именем отмечены сотни россиян.

Коньков В. А. Прозаик. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

В основе фамилии древнерусское имя-прозвище Конь. От этого имени образована украинская фамилия Конько — «сын Коня». Прибавлением русского суффикса -ов к украинской фамилии Конько и образована фамилия Коньков.

Куропатов В. Ф. Родился в селе Кузедеево. Прозаик. Член Союза писателей России. Имеет очень редкую фамилию, которая восходит к древнерусскому мужскому имени-прозвищу Куропат. Нарицательное Куропат означает «самец куропатки». Как известно, степная куропатка (и куропат) имеет оперение серого цвета. Следовательно, переносное значение имени куропат — «человек с серыми, то есть седыми волосами, седой». Сравните древнерусское имя Ворон — «черноволосый», давшее фамилию Воронов.

Мазаев В. М. Родился на Алтае. Прозаик. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Сразу напрашивается связь фамилии нашего писателя с некрасовским «дедом Мазаем». Однако в основе фамилии Владимира Михайловича лежит древнерусское имя-прозвище Мазай (вариант Маз), имевшее значение — «тот, кто любит ухаживать за женщинами, волокита, бабник». Есть и второе толкование происхождения фамилии от мордовского личного имени Мазай, восходящего к нарицательному мазы — «красивый». В исторических документах в 1660 году в Вологде отмечен крестьянин Мазай Иван Дмитриев сын.

Махалов В. В. Родился в Нижнем Новгороде. Поэт. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Фамилия очень редко встречающаяся. Есть несколько толкований ее происхождения: 1. от диалектного русского личного имени-прозвища Махало, из нарицательного махало — «тот, кто дает сигнал о прибытии важного лица»; 2. от прозвища Махало — «тот, кто быстро ходит, скороход»; 3. от личного языческого имени Махало — бабник, ухажер, волокита за женщинами (сравните с Мазаевым).

Мертвецов П. Н. (псевдоним Майский). Родился в Тисульском районе. Поэт. Член Союза писателей России.

Очень редкая фамилия, восходящая к древнеславянскому личному семейному имени-оберегу Мертвец, то есть ребенок, родившийся мертвым. Древние прочно связывали имя сына с самим сыном и надеялись, что носящий имя Мертвец в любом случае выживет. Видимо, до рождения Мертвеца мальчики в семье умирали.

Имена-прозвища Мертвяк, Мерлой, Мерлей, Мерль имели значение мертвый и давались с той же целью, что и мертвец. В древности такие прозвища имели место у всех народов мира. Сравните, например, арабское имя Ямут — «мертвец».

Псевдоним Павла Николаевича восходит к названию месяца май. Майский — «весенний, радостный, счастливый».

Молостнов Г. М. Один из первых писателей Кузбасса. Жил в Кузбассе в 40-50 -е годы. Фамилия редка и образована от имени-прозвища Молостной, возникшего от нарицательного молостной — «молостный, скромный».

Переносное значение имени Молостной — «тот, кто не любит соблюдать посты, любитель мяса, масла, молока, безбожник, атеист». В 15-16-м веках на Руси жили бояре Молостовы. Возможно, они и являлись далекими предками Геннадия Модестовича.

Небогатов М. А. Известный русский поэт. Родился в городе Гурьевске. Член Союза писателей СССР. Жил и похоронен в Кемерове. Фамилия образована от древнерусского имени-прозвища Небогатой, то есть «бедный, малоимущий». Однако в 15-17-м веках в Московском государстве имя Небогатой носили не простолюдины, а представители бояр и даже рюриковичи. Так, удельный князь Стародубский (16-й век) больше был известен по прозвищу Небогатой. Знатного человека дьяка Дубровина звали еще Небогатого Исаакович. Его отец Небогатой Исаак (1509).

Чивилихин В. А. Известный русский писатель. Уроженец города Мариинска. Член Союза писателей СССР. Жил и похоронен в Москве. В основе фамилии древнерусское некалендарное личное имя Чивиль от нарицательного чивиль — «воробей». Переносное значение — «юркий, быстрый человек небольшого роста». Обычно жену Чивиля называли Чивилиха. От этого женского имени и образована фамилия Чивилихин.

Чигарева З.А. Родилась в городе Липецке. Прозаик. Член Союза писателей России. Живет в Кемерове. Фамилия восходит к Верхнедонскому личному имени Чигарь — «житель станицы верхнего Дона». Имя образовано от нарицательного чига (форма слова «чего»), либо от имени донского разбойника Чиги. Есть и второе объяснение происхождения фамилии от глагола чигарить — «вздымать, подымать». Тогда имя Чигарь означает подающего команду к поднятию какой-либо тяжести.

Чугунов В. А. Прозаик. Член Союза писателей СССР. Трагические погиб. Жил и похоронен в Междуреченске. Фамилия довольно распространенная. Образована от древнерусского мужского имени-прозвища Чугун — нарицательное чугун означало «сосуд для варки, корчага». Переносное значение имени Чугун «невысокий, крепкий, сильный человек с тяжелым характером». Слово «чугун» заимствовано в глубокой древности из тюркских языков.

Юров Г. Е. Родился и живет в Кемерове. Поэт и прозаик. Член Союза писателей России. Очень редкая фамилия у Геннадия Евлампиевича. И восходит она не к календарным именам Юрий (Георгий, Егор), а к древнерусскому личному имени Юр (вариант Юро — «беспокойный, задорный, нетерпеливый, плутоватый, хитрый»). В исторических документах читаем: «Крестьянин Юр жил во Владимирской земле в 1499 году». Еще один крестьянин Юр Дружина отмечен под 1611 годом в суздальской земле. Есть и второе толкование происхождения фамилии Юров. В архангельских говорах русского языка и поныне время рождения тюленей (февраль) называют юро. В древности сына, родившегося в дни юро, именовали Юро, надеясь, что он станет счастливым, сильным и толстым, как тюлень.

Владимир ШАБАЛИН.
ст. Каменный Ключ
Прокопьевского района.

// Кузбасс, 1998, 23 июня, с. 4 (интересный и неожиданный анализ происхождения и значения фамилий)

193 (22227)
15 ОКТЯБРЯ 1998 г., ЧЕТВЕРГ
Розничная цена 1 руб.

ОБЛАСТНАЯ МАССОВАЯ ГАЗЕТА
Кузбасс

Издается
с 7 января 1922 года.

НОВОСТИ

По сообщениям корр. «Кузбасса», пресс-службы АКО.

По праву рубильника

Вчера состоялся разговор А. Г. Тулеева с внешним управляющим «Кузбассэнерго» В. А. Зубковым.

Губернатор еще раз категорически потребовал прекратить отключения электроэнергии [illegible]

штанга

[illegible]

юбилей

Добрый свет

У известной кузбасской писательницы, заслуженного работника культуры России Зинаиды Александровны Чигаревой сегодня — юбилей. Она отмечает круглую, не будем скрывать, достаточно весомую дату со дня своего рождения. Редакция газеты «Кузбасс» от лица всех своих читателей сердечно поздравляет Зинаиду Александровну с днем рождения!

Вся творческая жизнь Зинаиды Чигаревой связана с землей Кузнецкой. В далеком уже 1952 году приехала она после окончания Ленинградского государственного университета в г. Прокопьевск. Здесь работала преподавателем в школе, затем — в редакции городской газеты. Люди шахтерского города стали героями первой пьесы начинающего драматурга. И премьера «Шахтерской поэмы» состоялась в Прокопьевском драматическом театре.

К сожалению, другие пьесы этого безусловно талантливого драматурга в театрах Кузбасса света рампы не увидели. Пьесы, интересные острые пьесы, вроде бы одобренные везде и всюду, не нашли по каким-то неведомым причинам отклика в сердцах кузбасских служителей Мельпомены. Честно говоря, было обидно за своего драматурга, когда наши театры предпочитали откровенные поделки «на шахтерскую тему» столичных авторов, не обращая внимания на добротную драматургию Чигаревой.

Она перешла на прозу. Светлые, удивительно добрые рассказы и повести вышли из-под пера этой писательницы. Писательницы, которая умеет увидеть истинную красоту, казалось бы, в обыденном.

Первая книга рассказов З. Чигаревой «Золотые холмы детства», изданная Кемеровским книжным издательством, пришла к читателю в 1970 году. С той поры в разные годы издано еще восемь сборников рассказов и повестей. Каждая книга тепло принималась читателями.

Немалый кусок жизни связан у З. Чигаревой с Кемеровской студией телевидения, где она возглавляла редакцию литературно-художественного вещания. Многие писатели, артисты, художники с удивительно теплым чувством вспоминают те годы, когда на экране кузбасского телевидения находилось время для полнометражных театральных постановок, литературных портретов земляков, взволнованных рассказов о творчестве наших мастеров изобразительного искусства.

Многое из вышеперечисленного выходило в эфир благодаря поразительной чуткости, высокому профессионализму, умению и, если хотите, пробивным способностям редактора Зинаиды Чигаревой. Это за себя, за свои произведения она никогда не могла кинуться в драку, а вот за других, которых считает одаренными, всегда пожалуйста.

Эта черта характера, это непреходящее чувство уважения к творческому труду другого человека снискали искреннее уважение к Чигаревой писательской братии в то время, когда она была главным редактором Кемеровского книжного издательства.

В Союз писателей Чигарева была принята еще до выхода в свет первой книги — в 1966 году. Принята как драматург со своим творческим лицом, своей темой. Упоминаю об этом, потому что уверен: пьесы Зинаиды Александровны, несмотря на то, что нынешнее время многое изменило в нашем восприятии действительности, наверняка ждут своего сценического прочтения.

А проза ее воистину светла. И в рассказах видна рука драматурга. Потому часто характеры героев повестей и рассказов этого автора проявляются в точно выстроенных диалогах, через умело выстроенное действие.

Прожито немало лет. Сделано немало. Главное — обретен свой читатель, который верит в неподдельную искренность писательницы, который в персонажах ее произведений безошибочно узнает и себя, и своих добрых знакомых.

Годы идут. Но Зинаида Чигарева сумела сохранить в душе яркий свет молодости. Она не устает радоваться жизни, умеет зорко подмечать ее светлые стороны. Значит, будем ждать новых добрых книг сегодняшнего юбиляра. Всего Вам самого радостного в дальнейших творческих делах, дорогая Зинаида Александровна!

Илья ЛЯХОВ.

Сегодня «Кузбасс» предлагает вниманию читателей один из рассказов Зинаиды Чигаревой.

Зинаида ЧИГАРЕВА

Эти маленькие забавные собачки

Рассказ

Человек сидит на скамейке во дворе. Старые тополя плотно сомкнули над ним свои раскидистые кроны. Сквозь них скупо пробивается утреннее солнце. Пятна света дрожащим кружевом пожатся на влажную, почти без травы землю. От земли идет густой деревенский дух и, смешиваясь с запахом молодой тополиной листвы, тревожит в душе забытое, давнее...

Тихо...

Трудно поверить, что и этот двор, и дом, старый, добротный, расположены в центре большого индустриального города. Разве что только гул машин, доносящийся с невидимой отсюда улицы, напоминает об этом...

Человек сидит неподвижно, опершись на палку и глядя перед собой. У него тяжелая седая голова и узловатые, много поработавшие на веку руки. У ног человека важно разгуливают сытые голуби. А вот воробьев не видно. Эти завсегдатаи просторных дворов предпочитают открытые солнечные пространства и превосходно уживаются рядом с беспокойной, вечно галдящей, как сами же воробьи, детворой. Тут и самой ребятни не видно. Выскочили, правда, из подъезда два соранца и быстренько умчались куда-то на простор, к солнышку... Впрочем, прежде чем исчезнуть, не без любопытства взглянули на сидящего человека. И женщина с хозяйственной сумкой тоже, как ни торопилась по своим делам, оглянулась... И мужчина с молочной посудой в авоське, проходя, бросил изучающий взгляд на старика.

Интерес естественный: дом старый, люди изучили друг друга, а этот человек появился здесь недавно, во дворе и вовсе в первый раз. Два с половиной месяца провел он на больничной койке. Ордер на квартиру в этом доме он успел получить, прежде чем случиться инфаркту. Переезжали без него. Бывшие сослуживцы помогли жене обосноваться на новом месте. Квартира хорошая: комната большая, с высоким потолком, много воздуха, кухня просторная, прихожая. А всего удачнее то, что первый этаж. Каково бы ему теперь взбираться на четвертый?

Сегодня человеку врачи разрешили выйти из дома и посидеть на свежем воздухе. Делать ему ничего нельзя. Читать запрещено. Волноваться — тем более. Ему разрешается только сидеть и смотреть. Думать тоже не рекомендуется. Он и старается не думать. Он просто сидит во дворе и смотрит на голубей, лениво перебирающих насыпанные кем-то хлебные крошки.

Двери соседнего подъезда приоткрылись, из них стремительно выкатился лохматый черный комочек и в мгновение ока оказался у ног человека, превратившись в очаровательного песика. Спинка у песика блестящая, как вороновое крыло, гладкая, а брюшко лохматое. Хвост поднят кверху этаким страусиным пером — впору старинной красавице на шляпу. Лапки коротенькие, фасонно изогнуты... Когда бежит, так быстро перебирая ими, не уследишь, как это он делает. Забавная собачка.

Разлетелась, распугала недовольных голубей и деловито принялась обнюхивать тапочки и палку человека. Но стоило ему шевельнуться, как тут же стремительно отскочила и, задрав вверх черную пуговицу носа, заливисто залаяла.

— Ну чего ты, дурачишка? — сказал человек. — Да кто же тебя боится?

— Жюля!.. Жюлька! — строго позвал собачонку женский голос. — Нельзя!

Собачонка со всех ног бросилась к пожилой женщине в светлом летнем пальто, небрежно накинутом на плечи. Описав вокруг нее замысловатый крендель, умчалась к крайнему подъезду. Навстречу ей выкатился еще один, точно такой же мохнатый клубочек. Обычный ритуал собачьих приветствий: торопливые обнюхивания, виляния хвостами, повизгивания...

— Соскучились мама с дочкой...

— Обрадовались...

Прошли мимо и остановились под тополем две женщины: та, пожилая, в светлом пальто, и помоложе, в длинном одеянии из черно-алого шелка и странной обуви на деревянной подошве. Они были разные, ничуть не похожие, тем не менее некое неуловимое сходство сближало их. Возможно, то был особый шарм, чувство такта и меры — в одежде, в прическах, небрежных и в то же время изящных, в ленивой грации поз и сдержанности жестов. Они держались со спокойным достоинством людей, которым никогда не приходилось спешить, тратить себя в вжечасных хлопотах и суете.

Одна из женщин — та, что постарше, продолжая негромко разговор, мимолетно взглянула на человека. Тот привстал, опершись на палку, и поклонился. Женщина не ответила на приветствие, будто даже не заметила его. Но прежде чем она отвела глаза, ставшие пустыми и невидящими, мужчина успел заметить в них промелькнувшее тепло удивление. Он подумал, что допустил недозволенную фамильярность, и сконфузился. И это чувство не замедлило отозваться в груди привычной ноющей болью...

Собачонки тем временем устроили настоящий спектакль, довольно достоверно разыгрывая сцену великого собачьего побоища: они налетали друг на друга, сплетясь клубком, катались по земле, покусывали за уши, за морду... Но все это было игрой, представлением, забавой. Потому что во всех их действиях была особая осторожность, забота о том, чтобы ненароком не причинить боль своему партнеру. Скоро собачонкам надоело изображать драку, и они пустились взапуски гонять по двору, беззаветно отдаваясь радости своего беспечного собачьего бытия. Вкусный завтрак, ласка хозяев, товарищ, с которым можно приятно провести время, да еще такое отличное утро, солнечное и прохладное, да ощущение свободы — ну, скажите на милость, о чем еще может мечтать собака?

Когда же собачонки исчезли из поля зрения занятых беседой женщин, то одна из них, то другая оглядывались и окликали:

— Жюля! Жюлька!

— Леда... Леда, ко мне!

Собачонки с готовностью мчались на зов. Но, выразив второпях всеми доступными им средствами свою преданность хозяйкам и получив от них, в свою очередь, знаки ласкового внимания, опять завихривались куда-то.

Слабый ветерок тронул тополиные кроны, задвигались, запестрели солнечные пятна на земле. Человек почувствовал тягостную сладость во всем теле и подумал, что надо пойти домой, принять лекарство и лечь. Он уже приподнялся со скамьи, как вдруг услышал странные, ни на что не похожие звуки. Из невысокого и густого кустарника, образовавшего вдоль двора живую изгородь, неслись пронзительно визгливые вопли. Человек не сразу распознал в них голоса уже знакомых ему собачек.

— Жюля!.. Ко мне!

— Ледушка! Да что же это такое?!

Обеспокоенные хозяйки звали своих любимиц. Но собачонки не слышали их. Они просто захлебывались озлобленным, полным неистовой ярости лаем. Это уже не было игрой. Это было всерьез. Человек подумал, что же могло вызвать у маленьких славных собачек такую яростную злобу? И тут он увидел виновницу переполоха. Из кустов вышла собака. Большая рыжая дворняга. Раньше наверняка один удар ее лапы мог отшвырнуть на сажень любую из них. Но сейчас она шла, кое-как волоча на неверно ступающих лапах неуклюже изможденное тело. На впалых боках клочьями торчала облезшая шерсть. Собачонки заходились в бешеном до хрипоты лае. Они заскакивали вперед, мельтешили перед самой мордой пса, делая вид, что бросаются на него, но, однако же, сразу предусмотрительно отскакивали на почтительное расстояние, словно оберегая свои холеные тельца от соприкосновения с неопрятным и больным существом.

Несчастная бродячая псина нашла себе укромный уголок, чтобы отлежаться или, как знать, может быть, и умереть спокойно. И откуда ей было знать, что она посягнула на чужую территорию, оскорбив тем самым в маленьких хозяйках двора их священное чувство собственности?

Женщины с брезгливой гримасой взглянули на больного пса и отвернулись, продолжая мирно беседовать. И ни одна из них не сделала ни малейшей попытки унять ярость своих питомиц.

Пес медленно тащился через двор. Он даже не огрызался. Он как будто не замечал наседавших на него собачонок. Поравнявшись со скамьей, пес поднял голову и посмотрел на человека. Нет, собака не искала помощи и защиты — на это она не смела надеяться. В ее поистине человеческом взгляде была такая безысходная тоска, такая безнадежная покорность судьбе, что человек в невольном порыве протянул к ней руку... Собака отпрянула в ужасе, прижав уши и ощерив клыки. Не удержавшись на ногах от резкого движения, она тяжело припала на зад. Это послужило сигналом для новой яростной атаки...

Человек закрыл лицо руками. А когда, справившись с внезапно нахлынувшей болью, открыл глаза, он увидел, что женщины уже прощаются у подъезда, чему-то весело смеются. Возле них резвятся возбужденные, довольные собой, своей победой их маленькие собачки.

— Что же произошло? — спрашивал себя человек. И не находил ответа. Потому что, в сущности, ничего не произошло. Все так же был светел июньский день. И прохладна густая тень старых тополей. И ничего, в сущности, плохого не было в том, что в добротном уютном доме в холе, ласке и тепле живут забавные маленькие собачки.

// Кузбасс, 1998, 15 октября, с. 8
(к юбилею писательницы)

Март

пн.		5	12	19	26
вт.		6	13	20	27
ср.		7	14	21	28
чт.	1	8	15	22	29
пт.	2	9	16	23	**30**
сб.	3	10	17	24	31
вс.	4	11	18	25	

КУРС ВАЛЮТЫ (ЦЕНТРОБАНК)

$ 26, 02 руб.

€ 34, 70 руб.

Интернет-приемная губернатора
www.mediakuzbass.ru
Письмо А.Тулееву — ответ А.Тулеева

Издается с 7 января 1922 года.

ОБЛАСТНАЯ МАССОВАЯ ГАЗЕТА

Кузбасс

55 (24289) 30 МАРТА 2007 г., ПЯТНИЦА

Союз писателей Кузбасса глубоко скорбит по поводу ухода из жизни старейшей писательницы нашей области, автора многих книг, члена Союза писателей России с 1966 года, заслуженного работника культуры РСФСР, ветерана труда

ЧИГАРЕВОЙ

Зинаиды Александровны

и выражает искреннее соболезнование ее родным и близким.

// Кузбасс, 2007, 30 марта, с. 2.

Зинаида ЧИГАРЁВА на страницах хрестоматии «ПИСАТЕЛИ КУЗБАССА» (2007)

ПИСАТЕЛИ КУЗБАССА

Допущено
департаментом образования и науки АКО
в качестве книги для чтения в 5 — 11 классах
общеобразовательных учреждений
Кемеровской области

Константин АКАТНОВ • *Виктор* АРНАУТОВ
Виктор БАЯНОВ • *Алексей* БЕЛЬМАСОВ • *Александр* БЕРЕСНЕВ
Евгений БУРАВЛЕВ • *Борис* БУРМИСТРОВ
Александр ВОЛОШИН • *Леонид* ГЕРЖИДОВИЧ • *Сергей* ДОНБАЙ
Екатерина ДУБРО • *Геннадий* ЕМЕЛЬЯНОВ
Геннадий ЕСТАМОНОВ • *Галина* ЗОЛОТАИНА • *Валерий* ЗУБАРЕВ
Александр ИБРАГИМОВ • *Владимир* ИВАНОВ • *Анатолий* ИЛЕНКО
Владимир КАГАНОВ • *Александр* КАТКОВ • *Игорь* КИСЕЛЕВ
Виктор КОВРИЖНЫХ • *Валерий* КОВШОВ
Валерий КОЗЛОВ • *Николай* КОЛМОГОРОВ • *Владимир* КОНЬКОВ
Виталий КРЕКОВ • *Иосиф* КУРАЛОВ
Владимир КУРОПАТОВ • *Юлия* ЛАВРЯШИНА • *Евгений* ЛЕВШОВ
Владимир МАЗАЕВ • *Валентин* МАХАЛОВ
Михаил НЕБОГАТОВ • *Любовь* НИКОНОВА • *Сергей* ПАВЛОВ
Андрей ПРАВДА • *Семен* ПЕЧЕНИК
Иван ПОЛУНИН • *Владимир* ПОТАШОВ • *Александр* РАЕВСКИЙ
Тамара РУБЦОВА • *Виль* РУДИН
Анатолий САУЛОВ • *Любовь* СКОРИК • *Владимир* СОКОЛОВ
Алексей ТАРАСОВ • *Зинаида* ЧИГАРЕВА
Виктор ЧУГУНОВ • *Владимир* ШУМИЛОВ • *Геннадий* ЮРОВ
Софрон ТОТЫШ • *Степан* ТОРБОКОВ

ПИСАТЕЛИ КУЗБАССА

ХРЕСТОМАТИЯ

ПРОЗА
ПОЭЗИЯ

КЕМЕРОВО
СИБИРСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
2007

ББК 83.3(2Р-4Кем)6Я72
УДК 882.09(571.17)(075.3)
П34

Издание подготовлено под патронажем
губернатора Кемеровской области
Амана Гумировича Тулеева

Редакционный совет:
И. А. Свиридова, Л. Т. Зауэрвайн, Е. Л. Руднева,
Б. В. Бурмистров, А. И. Катков

Составители:
В. Ф. Зубарев, И. А. Куралов, В. М. Мазаев

П34 **Писатели Кузбасса. Хрестоматия. Проза, поэзия.**/Союз писателей Кузбасса; отв. ред. Правда А. В. — Кемерово: ИПП «Кузбасс», «СКИФ», 2007, 496 с. — 2000 экз. ISBN 978-5-98899-019-2 («СКИФ»), ISBN 978-5-85905-335-3 («ИПП «Кузбасс»)

Книга представляет собой сборник стихов и прозы писателей и поэтов Кузбасса. Издание предназначенно для внекласного чтения в 5–11 классах общеобразовательных учреждений Кемеровской области, а также для студентов колледжей, гуманитарных факультетов высших учебных учреждений и широкого круга читателей, интересующихся прозой и поэзией.

ББК 83.3(2Р-4Кем)6Я72
УДК 882.09(571.17)(075.3)

ISBN 978-5-85905-335-3 (ОАО «ИПП «Кузбасс»)
ISBN 978-5-98899-019-2 (ООО «СКИФ»)

© Коллектив составителей. 2007
© В. П. Кравчук. Оформление. 2007
© ОАО «ИПП «Кузбасс». 2007
© ОАО «СКИФ». 2007

Необходимость издания хрестоматии произведений писателей Кемеровской области продиктована самой жизнью. На литературных встречах в средних школах и других учебных заведениях то и дело поднимается вопрос: когда, наконец, увидит свет коллективная книга поэтов и прозаиков Кузбасса, чьё творчество наиболее полно отражает историко-литературный процесс в регионе? Потребность в таком учебном пособии назрела также в связи с тем, что современные образовательные программы предполагают наличие в них так называемого регионального компонента.

Ответом на социальный заказ учебных коллективов стала работа Союза писателей Кузбасса и его художественного совета над хрестоматией. В ней представлены поэзия и проза более сорока профессиональных писателей, внесших в литературу заметный вклад. Их произведения публиковались в сибирской и центральной печати. Их труд отмечен государственными, правительственными и областными наградами, почётными званиями и престижными литературными премиями, в том числе и Государственной премией.

Хрестоматия охватывает творчество писателей всех поколений, начиная с пятидесятых годов прошлого столетия, когда закладывались основы сегодняшней профессиональной писательской организации. Литературные патриархи — в одном строю с ныне работающими писателями. Разворачивается живая картина обогащения традиций, поисков своих способов достижения гармоничного единства содержания и формы. Несмотря на индивидуальность красок, всех авторов хрестоматии объединяет верность высоким этическим принципам.

При составлении хрестоматии учитывались три основных требования педагогики: обучение, развитие, воспитание. Для удобства обращения использован алфавитный порядок. Художественные тексты сопровождаются справкой о каждом авторе.

Зинаида Александровна Чигарева родилась в 1928 году в городе Ельня Липецкой области. После окончания Ленинградского университета получила направление в Кузбасс. Преподавала в средней школе Прокопьевска, работала в газете, главным редактором кемеровского книжного издательства. В 1970 году вышла ее первая книга рассказов «Золотые холмы детства». Автор многих книг прозы, член Союза писателей России с 1966 года. Удостоена государственных и областных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Живет в Кемерове.

ЗИНАИДА ЧИГАРЕВА

МАША

Схваченный легким морозцем, снежок похрустывал под Машиными валенками, точь-в-точь свежий огурец на зубах. День заметно прибывал, хотя по утрам и держались еще голубоватые сумерки, и в их неярком свечении снежный покров улиц был пронзительно чист и бел, как будто тут только что похозяйничал мастеровитый маляр со своей помощницей — кистью.

Настроение у Маши было под стать чистому звонкому утру. Сегодня у нее все сладилось на редкость удачно: и завтрак быстро сготовила, и бельишко сполоснула, и даже пол успела подтереть. Праздник, он ведь уже с утра праздник. А то, что сегодня обычный рабочий день, так это празднику никакая не помеха, потому что работу свою Маша уважает.

Работает Маша неторопливо, но споро и со вкусом. Размах у нее по-мужски длинен, мазок ложится на стену широко и ровно. Так белить научил ее Степан. Немудрящие, конечно, секреты, а попробуй — обойдись без них. Да еще чтобы на полу ни пятнышка.

Люська Звончихина заявится, зыркнет из-под насмоленной брови бесцветным глазом и уж не преминет высказаться:

— Дура ты, Машка! Все равно им опосля нас полы драить: одно слово — ремонт. А ты будто для маменьки родной расстарываешься, почем зря трудовую энергию расходуешь.

Маша только вздохнет и промолчит. А чего бестолку слова тратить? С Люськой спорить, что в стенку горох. Та для себя всегда правая. Ну, а Машу тоже с ее правоты не свернуть. Скривится Люська и в сердцах дверью хлопнет. И как Маша голову ни ломает, не может взять в толк — что за удовольствие для рабочего человека оставлять после себя конюшню? Самому же противно. Да и людям в глаза стыдно глядеть.

А куда как приятно, когда унылые, серые от пыли стены под твоими руками вдруг засветятся, засияют кипенной белизной, что твой молодой снежок под солнышком. Глядишь — и душа не нарадуется. А хозяева, замотанные, сердитые (им ведь ремонт сплошная морока, это тоже понимать надо), удивляются, радуются: «Ну и мастерица! Такая молоденькая и такая сноровистая!»

Да, в общем-то, и не в похвале дело. Хозяева, они тоже разные бывают. Иной раз уж так все ладно обработаешь, а им хоть бы что, даже будто и не видят ничего — такие мертвоглазые. А есть, и видят, так все одно — слова доброго не скажут. Будто ты не человек живой, а машина, или — того хуже — служанка какая, им приписанная. Только Маша на таких не обижается. Не к лицу ей обижаться: человек она рабочий, государственный, и цену себе знает. А те, хоть и нос дерут перед нею, но единственно из-за своей некультурности. А попадаются и такие — увидят, что хорошо да ладно все ею обихожено, губы сквасят — и за кошелек: неспроста, мол, она, такая-сякая, расстаралась, не иначе за коммунальный ремонт мзду сорвать хочет. Маше это хуже пощечины.

Нет, лучше уж о таких не думать, а то работать расхочется. С плохим настроением какая работа? А тем паче сегодня. Никак нельзя ей сегодня иметь плохое настроение. Потому как праздник. День рождения. Двадцать семь лет стукнуло Маше Красильниковой, лучшему маляру жилищно-коммунального управления. И вы это, пожалуйста, имейте в виду.

— Марья! — встретил ее у дома бригадир Григорий Антонович, дядя Гриша.— Начинай седьмую на втором этаже. Как раз тебе на полную смену.

— Ладно! — отозвалась Маша.

«А ведь забыл... забыл, старый! — подумалось мимоходом.— А то бы непременно прибавил словечко: поздравляю, мол...»

Забрала Маша свое нехитрое снаряжение и поднялась на площадку второго этажа. Дверь ей открыла коротковолосая девчонка в черном спортивном костюме.

— Заходите! Заходите! — пригласила Машу и кинулась помогать ей. Однако при неумелости едва не расплескала побелку.

В прихожей Маша рассмотрела свою неловкую помощницу. То была никакая не девчонка, а женщина, да еще и постарше ее, Маши. Лицо, правда, худенькое, девчоночье, и фигурка. А глаза старые, в морщинках, и седые нити в стриженых черных волосах.

— Нам сказали: ремонт, приготовьтесь! — женщина почему-то нервничала, мяла пальцы и смотрела не на Машу, а куда-то в сторону.— А я, право, не знаю... Вы уж извините... Кое-что я попыталась прибрать.

Маша заглянула в комнату и не удержалась от вздоха. Так и есть! Все как стояло, так и стоит, даже с места не стронуто. Громадный шкаф у стены, стол, заваленный журналами и газетами, диван, покрытый ковром. Перевела глаза на хозяйку: да куда той такое свернуть, хилая гражданка. Ну что ж, Маша имеет полное право отказаться. Такой у них установлен порядок: жильцов заранее предупреждают, чтобы готовили фронт работ. Маляры сидят на сдельщине, и простоев у них быть не должно. За какие такие грехи им иметь простои и терпеть убытки? Да и государству урон по линии выполнения плана.

Летом, конечно, не то — летом людей выселяют, гуляй тогда на просторе — по всем стенам и потолкам — ни сучка тебе, ни задоринки...

— Газеты старые имеются? — спросила Маша.

— Да! Да — да! — женщина вытащила кипу пожелтевших газет.

А Маша, уперев руки в бока, внимательно рассматривала массивный. темной полировки, шкаф.

— Давайте-ка заходите с того краю, а я здесь возьмусь...— Да на меня... на меня двигайте!

Шкаф не поддавался.

— Вы что в нем каменья, что ли, держите? — не удержалась Маша.

— Нет, не камни,— затрясла головой женщина.— Книги. Я их выну сейчас. Подождите немножко, пожалуйста! Я быстро...

Женщина распахнула дверцы. Маша свистнула: ого! Тут работенки до морковкина заговенья.

Хозяйка тревожно всматривалась в ее лицо.

— Ну, пусть он стоит! Пусть — вы уж без него как-нибудь... Пусть там остается небеленое.

Ишь, чего не хватало! Оставлять за собой огрехи? Маша хмуро качнула головой:

— Сдвинем пока диван... Стулья в другую комнату... Давайте газеты! — распоряжалась Маша.

Женщина спешила выполнять ее распоряжения. Но у нее почему-то все валилось из рук, и Маша молча и терпеливо переделывала по-свое-

му. А женщина смотрела на нее так потерянно и виновато, что ей стало не по себе: «Что я пугало, что ли, какое? Чего она на меня уставилась?»

Позвонили. Открыла Маша. Зашел Сашка Баранов. С хозяйским видом вкатился прямо в комнату, оглядел критически:

— Ты что? Еще не начинала?

— Иди-ка сюда! — позвала его Маша. — Шкаф сдвинем.

Хозяйка тоже метнулась следом — помочь. Маша остановила ее жестом: стойте, мол, на месте и не мешайтесь под ногами.

Лицо Сашки побагровело от натуги.

— Ну и громила!..— он выругался вполголоса.

— Сдурел! — одернула его Маша... — Привяжи свой поганый язычище!

Шкаф заскрипел, застонал и словно бы нехотя отошел от стены, обнажив свою затянутую паутиной спину.

— Ой! — вдруг радостно вскрикнула женщина, выхватывая из-под шкафа какой-то журнал.— Я-то его искала-искала... Знаете, какая тут важная для меня статья... Прямо как без рук...

Женщина взглянула на Сашку, покраснела и замолкла: тому не до нее, не до ее радости из-за какого-то журнала. У того свои заботы.

— С тебя пол-литра, Марья,— тон у Сашки развязный и в то же время просительный.— Я не шучу. За ради дня рождения, а? Ссуди трешку...

Он всегда такой — всегда с похмелья и всегда сшибает. Чутье у него на этот счет поразительное. Кто и думать забыл, что у нее день рождения, а он вот помнит.

Деньги у Маши есть — пятерка, специально припасена — на торт и фруктовую воду. Надо побаловать ребятишек и Степана...

— Нету у меня таких денег, чтобы водкой тебя поить,— сухо ответила Маша, а сама непроизвольно тронула карман.

— Брехать ты, Марья, не умеешь, а потому лучше давай сразу. Ссориться тебе со мной нет никакой выгоды. Другой раз пуп надрывать не буду.

— Подождите! — всполошилась женщина.— Я... я дам!

— Да вы что? — грубовато одернула хозяйку Маша.— С какой это стати? Много их тут найдется, охотников. А ну, давай-давай — отчаливай! — напирала она на ошарашенного парня...

— Но он же... Действительно, вот шкаф...— женщина растерянно переводила глаза с одного на другого.

— Не ваше это дело! — рассердилась Маша.— Мне поручено — я и отвечаю.

— Ну, смотри... Теперь, без Степки, ты бы не очень...— Сашка тихо, сквозь зубы выругался.

— Закрой дверь с той стороны — дует! — с веселой злостью крикнула Маша.— Я тебе тоже могу ответить, по-нашенски, по-свойски... Топай! Топай! А вы чего стоите? — раздраженно крикнула она хозяйке.— Шкаф укрывать надо! Держите вот здесь... Закрепляйте за дверцу! Ну, вот!

Сашка подождал, поглазел и, поняв, что его дело прогорело окончательно, сплюнул себе под ноги и ушел, сердито хлопнув дверью.

Машу не очень-то расстроила Сашкина вылазка — не впервой ставить таких на место. Другое сейчас занимало ее мысли: вон сколько у людей книжек! Неужели это все можно прочитать? Когда только успевают? Значит, времени свободного много. Маша тоже любит читать. Чтобы книжка была про жизнь, про хороших людей, кому и посочувствовать не грех. И чтобы написано было просто и душевно. А только вот когда читать-то? Другое дело, раньше, когда в девчонках... Э, нет! Жалобиться, обижаться на свою жизнь ей вовсе не пристало...

— Ну вот, шкафчик ваш — весь как ребеночек в пеленках...— весело сказала Маша и взялась за кисть. Пришла пора настоящего дела. Макнув кончик кисти в ведро, незаметным ловким движением она стряхнула лишнее, и уже через всю стену легла влажная полоса. Ну, как говорится, благословясь!.. Стены белить — пара пустяков. Потолок потруднее. Но вовсе не потому, что сноровки не хватает, а единственно из-за Машиного малого роста. Ей бы еще вершочек набавить, тогда было бы куда сподручнее.

Потолок подсыхал — проступали островками снежно-белые пятна. Маша огляделась — все ладно, еще на раз, и квартира, как игрушечка.

Вверх-вниз, вверх-вниз — руки сами умные, сами все знают, за ними следить не надобно. Можно подумать, поразмышлять. Маше есть о чем подумать. Сколько ей довелось людей повидать,— уму непостижимо! Самых разных — и простых работяг, таких, как она сама, и больших начальников. Все люди, все человеки... А каких только семейных дел не насмотрелась — в кино ходить не надо. Вот и здесь — тоже все не просто. Ой, не просто! Книжек много. Газеты... журналы... А игрушки ни одной. Конечно, перед ремонтом все мелочи убирают. И пацан может быть в садике круглосуточно. Но все ж таки хоть какой маломальский следок, а останется. Вон диван отодвигали, шкаф тот же — и ничего: ни мячика, ни куклы какой безногой, ни кубика завалящего. Журнал вон со статьей нашелся, запонка мужская выкатилась. В коридоре тапочки

мужские стоптанные... Муж, значит, имеется. А вот детишек нету. Теперь понятно: с того она и живет одними книжками. Что ей еще остается делать?

Женщины не видать, не слыхать — затаилась где-то, чтобы не мешаться. «Деликатная,— подумала Маша.— Но, видать, несчастная. Может, и не от возраста седина — от горя. Без детишек разве не горе? Да, у каждого своя печаль, свое горевание!»

Зашуршала бумага, которой они прикрыли на всякий случай пол. Подошла хозяйка.

— Послушайте, уже третий час. А вы без отдыха. У меня суп есть. Идемте пообедаем.

— Спасибо, не надо! — мягко, чтобы и хозяйку не обидеть, и собственного достоинства не уронить, отказалась Маша.— У меня с собой тормозок.

— Ну хотя бы чаю... Я только что вскипятила...— а в глазах прямо мольба: уж так ей хочется быть чем-то полезной Маше.

— Разве что чаю...— согласилась Маша.

На кухонном столе дышал паром блестящий никелированный чайник. Рядом в прозрачной вазочке печенье. Две черные с позолотой чашечки стоят, такие маленькие, что похожи на игрушечные. Маша оглядела стол и попросила тарелку. Хозяйка бросилась к ящику, куда, видно, по случаю ремонта, была уложена посуда, и вытащила тонкую, почти прозрачную тарелку с золотым ободком. Маша развернула свой пакет и выложила на тарелку пирожки.

— Угощайтесь! Еще тепленькие. Утром пекла. Эти вот с луком и яйцом. Эти — с капустой. А вот с картошкой...

Женщина взяла румяный пышный пирожок, осторожно надкусила и удивленно вскинула брови:

— Вкусно!

— Ешьте... ешьте еще!

— А вы себе чаю наливайте, печенье берите. Не стесняйтесь.

— Спасибо! — степенно поблагодарила Маша, бережно опуская на стол похожую на диковинный золотисто-черный цветок чашку.

«До чего красивые,— думала она.— А прочности никакой. На них глядеть-то боязно, не то, что в руки взять. Мне такие совсем ни к чему. Живо расколотят мои архаровцы».

— Саксонский фарфор,— сказала женщина, заметив, что Маша заинтересовалась чашкой.— Подарок отца к свадьбе. Было шесть, осталось всего две. Муж у меня... не очень осторожный...

Обе помолчали, словно не находя предмета для разговора. Потом женщина спросила;

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть,— машинально ответила Маша и тут же спохватилась.— Ой, да что я! Двадцать семь... Как раз сегодня.

— Вот как? У вас сегодня день рождения? — почему-то взволновалась женщина.— Надо же!

— День рождения,— суховато подтвердила Маша.— Спасибо вам за чай! Приятно очень горяченького...

— У вас праздник, а вы тут нашу грязь...

— Работа есть работа,— пожала плечами Маша, направляясь в комнату.

Женщина шла за нею.

— Молодец вы! — сказала она, оглядев стены.— Давно работаете?

— Давно,— коротко ответила Маша, размешивая раствор.— Десятый год.

Времени у Маши в обрез, некогда разговоры разговаривать. На второй раз белить, правда, легче. Но освободиться надо пораньше. А женщина не уходила. Прислонилась к косяку и следит за Машиной кистью. Интересно ей, значит. А раз интересно, пускай смотрит. Небось, не сглазит.

— Вы замужем? — спросила женщина.

— Угу! — ответила Маша.

— И дети есть?

— Трое!

Ах, как это нехорошо у нее сказалось! С какой-то даже гордостью. Не надо бы так. Маша украдкой оглянулась. Женщина стоит в дверях. Лицо спокойное и равнодушное. Даже слишком спокойное и равнодушное.

Вот ведь как получается,— ни в чем не виноват ты перед человеком, а все равно как-то неприятно. Чтобы скрыть неловкость, Маша энергичнее заработала кистью. И тут же обругала себя. Может, и нет ничего такого, а она напридумывала всякого, да еще переживает. Может, им так больше нравится без детей. Есть же такие люди. Только Маше это непонятно. Даже мысль об этом ей кажется дикой. Как это не хотеть детей? Да как можно без Ирки-забияки? Без Славика? Вот уж и взаправду Славик... славный! Ирку заставить что-нибудь сделать, хоть тот же пол подтереть,— все из-под палки. А Славик услышит, и вот он — тут как тут — тряпку тащит:

— Мам, я сам...

Сам! А этот «сам» чуть выше ведерка.

И Надюшка... Меньшенькая ее. Незабудочка голубоглазая. Сидит себе в уголке, тряпочки перебирает, бормочет что-то про себя, бормотушка... Да что там говорить! Нет ей никакой жизни без ребятишек! И без Степана... без Степы... В горле запершило... Она поскорее закашлялась, чтобы хозяйка ничего не заметила. Та все стоит у притолоки, думает о чем-то своем. И лицо у нее теперь совсем не равнодушное — тихое, усталое,— запечатленное такое лицо. Маше опять стало ее жалко — по-бабьи, по-сестрински.

— Работаете где? — спросила Маша, сама нарушая свое правило не болтать во время работы.

— Да, работаю,— поспешила отозваться женщина.— Преподаю в институте. Библиографию. Наука такая — о книгах.

— О книгах? Чудно! Какая может быть про них наука? Книжка, она для того и есть, чтобы ее читали...

— Вот именно! — горячо подхватила женщина.— Именно, чтобы читали. Вы это очень правильно сказали. Для этого как раз и нужна моя наука. Чтобы найти нужную книгу, надо знать целый комплекс...— глаза у женщины заблестели, порозовели щеки, она как-то враз помолодела.

Маша слушала ее уважительно, кивала головой и даже дважды опускала кисть, чтобы показать, что ей интересно. Хотя ей и вправду было интересно. И даже капельку завидно. Вот ведь сколько всего существует на свете, о чем она, Маша, понятия не имеет. И опять же сразу одернула себя — нельзя быть такой жадной. Всего не захватишь. И вообще в жизни каждому свое место.

Скользит кисть по стене — вверх-вниз, вправо-влево. Маша уже и рук не чувствует — так намахалась за день. А руки, что ж, они привычные, они знай делают свое дело...

— Спасибо вам, — тихо сказала женщина и легонько дотронулась до стены, будто погладила.— Золотые у вас руки. А мы вот не можем. Сами для себя ничего сделать не можем. Ждем, пока кто-то придет и наведет порядок. Стыдно это. Нехорошо... Сейчас надо все уметь делать. Правда, время... Ох, время! Трагедия нашего поколения — недостаток времени. И все мы куда-то спешим... спешим. И никак успеть не можем... Как будто на поезд торопимся и опаздываем. Вот так не заметишь, как жизнь пройдет... И окажется тогда, что мы ничего толком не умели, не могли.

— Всего уметь нельзя, — строго сказала Маша. — Вот у вас книги... А у меня это... — она придирчиво оглядела комнату.

Холодноватый голубой свет исходил от потолка, и потому он казался прозрачным и необыкновенно высоким. Тронутые легким колером, нежно золотились стены.. Свежо и остро пахло известкой.

Своей работой Маша осталась довольна. Можно было бы уйти со спокойной совестью. Тем более что ее рабочий день кончился почти час назад. Но Маша не могла уйти. Затоптанные газеты на полу, сдвинутая со своих мест и потому кажущаяся неуклюжей и лишней мебель — все это так не вязалось с блистательной чистотой стен и потолка.

— Скоро он придет?

— Кто? — удивилась женщина.

— Ваш муж. Ведь тут вам одной...

— Придет? — женщина невесело усмехнулась. — Нет его здесь. В Томске он... в аспирантуре...

Ну что ж ты стала, Машенька? Ведь у тебя день рождения— спешила бы, летала, как на крыльях. Нет, вот ведь какой человек непутящий! Все у нее не как у людей.

— В чем вы полы-то моете? Тащите сюда. Тряпку давайте. Сами за окна беритесь. Двое рук все-таки не одни...

— Да вы что? — женщина прижала к груди руки.— Зачем?

— А то,— рассердилась Маша.— Опять мы с вами время попусту тратим...

Когда кругом все преобразилось и даже громила шкаф стал на свое законное место, стрелка часов приближалась к семи. Почти двенадцать часов — ничего себе рабочий денек! Вот тебе и праздничек!

— Маша! — вид у женщины такой торжественный, словно она собралась говорить речь.— Маша...— тут губы ее дрогнули, и она заговорила просительно.— Вы только не подумайте чего... Это не взятка и не плата какая... Я просто — от души. У вас день рождения — возьмите в подарок от меня...

Это были духи. Очень дорогие, в бархатной синей коробке. Маша даже испугалась.

— Нет! Нет! — затрясла она головой. Но женщина проявила особое упорство, и Маша сдалась...

— Куда мне такие... нарядные уж очень! У меня и платьев таких нет, чтобы к этим духам... И руки такие...

— Вы очень красивая, Маша,— сказала женщина.— Поверьте, они удивительно пойдут вам, к вашим глазам, волосам...

— А вы-то как же сами?..

— Я? — засмеялась женщина, но как-то невесело.— Мне все это уже ни к чему...

— Спасибо!— Маша помолчала.— Всего вам хорошего... Вы не очень-то расстраивайтесь... Может, все и наладится...

— Наладится... Наладится,— закивала головой женщина, а потом вдруг обняла и поцеловала Машу в щеку.— Будьте счастливы...

— Да где же вы запропастились? — нянечка вывела закутанную Надюшку.— Совсем заждалась девчонка: «Где мама? Где мама?»

— Да вот, она, мама! Вот она! — Маша подхватила на руки дочку.— Теперь бегом за Славиком... Потом купим торт… Вот такой толстый тортище!..

— Наконец-то! Наконец-то! — запрыгала вокруг матери Иринка. Большие голубые банты взлетали над ее головенкой, как огромные бабочки.

Степан лежал на своей постели, торжественный, в белой рубашке. Его обострившееся бледное лицо было гладко выбрито. Маша пригляделась и укоризненно покачала головой: ну, так и есть — порезался — вон на щеке царапина... и на подбородке.

— Не дождался!

— Ну что ты! Как можно! У тебя же день рождения... Вот мы тут вдвоем с моей хозяюшкой,— кивнул он на Иринку.— Дочь-то у нас совсем невеста — восьмой год! Погляди-ка, какую она картошку зажарила под моим руководством... Ну, колхозники, давайте поздравлять маму!

— Поздравляем! Поздравляем! — закричали Иринка и Славик.

— Подождите! — остановила их Маша.— Праздник, так праздник! Давай все на стол, Иринка. А я мигом переоденусь.

Переоделась Маша быстро, как будто в девчонках, когда после работы торопилась на свидание к нему, к Степану. Надела новые красные босоножки, платье свое любимое, в белую с синим мелкую клеточку, с большим белым воротником — и открыла духи. Сердце вдруг сладко захолонуло — весна! Вот так пахнет весной, когда распускается черемуха...

— Что это у тебя, Маша?

— А-а! Это мне сегодня подарили...— замолкла и вдруг неожиданно для самой себя соврала,— ребята из бригады...

— Да ну? — удивился Степан.— Неужели помнят?

— А то, как же!— Маша гордо вскинула голову.— Помнят. Помнят своего бригадира, Степа. И все те порядки, что при нем были. И все у нас так, как при тебе, Степа... И так же дни рождения отмечаем...

— Мама!— Славик тянет ее за подол, а сам пальцем показывает на стенку над комодом.

— Батюшки мои! Красота какая! — всплеснула руками Маша. На нее со стены в упор смотрит женщина. Да какая там женщина — девчонка совсем еще молоденькая. Испуганная, слезы в глазах и маленький малышка на руках. Не русская девчонка и старинная. А вот будто бы знакомая... Вспомнила Маша — в журнале видела, в «Работнице». Так вот для чего Степан просил ее принести стекло двадцать четыре на восемнадцать. Ишь ты, приладил, как настоящая картина! И белой бумажкой по самому краешку обклеил...

— На тебя маленько смахивает,— засмущался Степан.— Особо как ты Славика нянчила.

— Это мы с папой,— подскочила Иринка.— Я бумажку резала и клеить помогала...

— Ой, спасибо! — обняла Маша Иринку. Сверху напрыгнул Славик, и Надюшка на руки тянется.— Ну какие же вы у меня все хорошие-расхорошие!..

Степан смотрел на жену и детей и старался изо всех сил, чтобы привычная боль не стерла с его лица счастливую улыбку.

Ночью Маша внезапно проснулась. Степан дышал тяжело, со всхлипом...

— Степушка! Милый! Что с тобой?

— Третий год... Третий год лежнем лежу... Твоей обузой... И никакой надежды... Никакой! Уж лучше бы тогда разом... вместе с мотоциклом — и насмерть...

Говорил Степан с трудом, будто каждое слово было тяжелым камнем, и он громоздил эти камни один на другой...

— Господи! — сказала Маша устало.— Опять ты за свое... Такой бестолковый человек... Никак не вдолбишь тебе — прямо хуже маленького!

В комнате стояла ночная тишина. Посапывал носом Славик. Девчонки дышали легко, неслышно... Осторожно постукивал будильник.

— Когда же... Когда же, наконец, я развяжу тебе руки?

— Ох, Степа!— Маша наклонилась и прижалась лицом к груди мужа.— Ты только одно знай — живи! Живи... живи и живи! И больше мне ничего не нужно!.. Я и так самая счастливая.

Союз писателей Кузбасса сердечно благодарит за поддержку издания этой книги:
** ЗАО «Стройсервис» и его генерального директора НИКОЛАЕВА Дмитрия Николаевича*
** Корпорацию «АСИ» и ее генерального директора БУЧИНА Игоря Рафаэльевича*
** Кемеровский филиал ОАО «Банк Москвы» и его директора СКИРНЕВСКУЮ Валентину Борисовну*
** ГУ «Кузбасспассажиравтотранс» и его директора ДЕРЕВЯГИНА Михаила Абрамовича*
** ЗАО «Кузбассшахтвентиляция» и его генерального директора РОЩИНА Виктора Петровича*
** ОАО «Холдинговая Компания «Сибирский цемент»*
и ее президента МУРАВЬЕВА Андрея Анатольевича
**ОАО «Кузбассэлектромотор» и его генерального директора КСЕНОФОНТОВА Сергея Ивановича*

Литературно-художественное издание

Писатели Кузбасса

ХРЕСТОМАТИЯ

Проза, поэзия

Редакционный совет:
И. А. Свиридова, Л. Т. Зауэрвайн, Е. Л. Руднева,
Б. В. Бурмистров, А. И. Катков

Составители:
В. Ф. Зубарев, И. А. Куралов, В. М. Мазаев
Ответственный редактор **Андрей Правда**

В оформлении книги использованы рисунки **Василия Кравчука**
Инженеры компьютерной верстки: **Вячеслав Загурский, Юрий Думов**
Корректор **Елена Прокопьева**

Подписано к печати 26.03.2007. Гарнитура Times New Roman PS MT.
Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 52,07. Уч.-изд. л. 49,52.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Заказ № 587

Издательство ОАО «СКИФ»
650066, г. Кемерово, пр-т Октябрьский, 28. Тел. (3842) 52-71-67.
Отпечатано ОАО «ИПП «Кузбасс»
650066, г. Кемерово, пр-т Октябрьский, 28. Тел. (3842) 52-68-11.

Чигарёва, З. А. МАША: Рассказ. / В кн.: ПИСАТЕЛИ КУЗБАССА. Хрестоматия. Проза, поэзия. – Кемерово, изд-во ОАО «СКИФ», 2007. – С. 458-466.

Публикации в газете «Кузбасс» и в хрестоматии «Писатели Кузбасса» отыскала Нина Инякина, г. Кемерово,

22-24 марта 2023 года.